

АЛЕКС ОРЛОВ

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

СЕЗОН КОРОЛЕВСКОЙ ОХОТЫ

Каспар Фрай

Алекс Орлов

Сезон королевской охоты

«Автор»

2005

Орлов А.

Сезон королевской охоты / А. Орлов — «Автор»,
2005 — (Каспар Фрай)

Быть шпионом чести мало, таких не берут в плен и вздергивают на ближайшем дереве, однако король Ордос не отказался от намерений захватить герцогство Ангулемское, и, чтобы узнать о его намерениях, в столицу королевства – Харнлон – под видом купцов едут Каспар Фрай и его бессменная команда. Им придется сражаться с магами, выступать на стороне короля и пережить собственную смерть, чтобы выполнить приказ герцога.

© Орлов А., 2005

© Автор, 2005

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	14
7	18
8	20
9	22
10	24
11	26
12	28
13	30
14	31
15	33
16	35
17	38
18	40
19	43
20	45
21	47
22	50
23	52
24	54
25	55
26	57
27	59
28	60
29	63
30	65
31	67
32	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Орлов

Сезон королевской охоты

1

Ночью на Ливен обрушилась гроза, ветер рвал с деревьев поредевшую листву и гнал ее по улицам, хлопая ставнями и завывая в каминных трубах. Все указывало на то, что в Ливен спустя семь лет пришла настоящая зима.

С одной стороны, это было хорошо – странствующие рассказчики, которые немножко колдовали и гадали на будущее, утверждали, что возвращение зимы – признак выздоровления земли и успокоения демонов нижних миров, а значит, дела людей пойдут на лад, с другой стороны, все уже забыли, какая она, зима. Снега и в прежние времена здесь было немного, случалось, с севера налетали сухие метели, приносявшие такие острые и колючие льдинки, что они даже обдирали краску с оконных рам, но снега, белого и мягкого как пух, почти не бывало.

Сон Каспара Фрая был тревожен, при каждой вспышке разноцветных молний он открывал глаза и видел на потолке диковинные сплетения теней, рисовавших то частый лес, то горы, а то битву, где скрещивались и ломались копыта, скалили зубы лошади и всадники вылетали из седел.

Заснул Каспар лишь под утро и был разбужен женой, когда часы на ратуше пробили полдень.

– Что-то ты разоспался сегодня, – услышал Каспар будто издалека долетевший голос. Он с трудом разлепил веки и, приподнявшись, огляделся – сынишка, которому недавно исполнился год, о чем-то спорил с нянькой Каролиной, приходившейся Генриетте родной теткой. Их голоса доносились из гостиной через приоткрытые двери.

– Ты не заболел? – спросила Генриетта, приложив ко лбу мужа мягкую ладонь.

– Все в порядке, дорогая, просто ночью ворочался из-за грозы.

– Вот-вот, ночью гроза, а нынче на улице снег! Я его с детства не видела!

– Снег?

Каспар вскочил с постели и подошел к окну.

– Действительно снег, – произнес он без удивления, припоминая плясавшие на потолке тени. Живя в Ливене, нельзя было не понимать таких знаков – гроза, потом снег, и Каспар понимал, что нужно ожидать каких-то изменений, скорее всего, не очень хороших.

– Я тебе завтрак дважды разогревала, – напомнила Генриетта.

– Что-то есть совсем не хочется, – признался Каспар.

– Нет, – Генриетта всплеснула руками, – ты точно заболел!

– Мне нужно пройтись, и все будет в порядке, – натянуто улыбнулся Каспар, чувствуя в голове тяжесть.

– Хорошо, только оденься потеплее, – на улице холодно.

– Я накину синий шерстяной плащ.

– Даже не думай! Синий плащ он наденет, да на нем латка на латке, ты же его в каждый поход таскал.

– Мне в нем привычнее.

– Нет уж, ты не какой-нибудь плотник, Каспар, ты известный и уважаемый в городе человек, нужно одеваться побогаче.

– Хорошо, оденусь побогаче, – со вздохом согласился он.

2

На улице было хорошо, легкий морозец пощипывал Каспара за нос и уши, и он растирал их перчаткой, улыбаясь прохожим. Однако радости Фрая никто не разделял, у простых горожан не лежали в банке тысячи золотых дукатов, заработанных на службе у герцога Ангулемского, людей небогатых мороз со снегом застали врасплох, и им предстояло подумать о том, где взять дрова для обогрева жилищ.

На Рыночной площади было все так же шумно, пахло дымом из труб окрестных домов. По случаю холодной погоды крикливые торговки дрожжевым пивом предлагали отведать горячего травяного отвара. Весело стучали молотками сапожники, они не успевали справляться с заказами, поскольку все бросились чинить обувь и ставить вторые подметки.

Между рядов прохаживались угрюмые стражники, лишь на некоторых поверх стальных кирас были наброшены войлочные накидки, – большинство же давно их пропили.

– Добрый день, господин Фрай, – поздоровался с Каспаром старшина городской стражи Виршмунд, их дома стояли по соседству. В прежние времена старшина был важен, но теперь его пребывание в должности подходило к концу, об этом знал весь город.

– Здравствуйте, сосед, – вежливо ответил Каспар.

– Ну и как вам эта погодка, а? – Виршмунд похлопал себя по отвислому брюху.

– Мне нравится, вот вышел прогуляться.

– Нравится? – Старшина шаркнул сапогом по грязному снегу. – Да мы перемерзнем все, сожри нас огры, угля на всех не хватит! Угольщики на весь город едва полторы сотни наберется, а нужно полтыщи!

– Перебьемся дровами, старшина, к тому же это еще не холод.

– Вам хорошо говорить, господин Фрай, вы человек обеспеченный, люди шепчутся, скоро замок себе постройте... – Маленькие пороссячи глазки Виршмунда завистливо блеснули.

– Врут, – просто ответил Каспар. – Вот разве что конюшню...

– Конюшню? Так вы же лошадей у Табриция держите.

– Вот и думаю, стоит ли затеваться.

Каспар замолчал, со скукой глядя на Виршмунда, и тот был вынужден распрощаться.

Поправив пояс с мечом, Каспар отправился вдоль торговых рядов, прикидывая, что купить домой.

Обойдя площадь, он почувствовал себя значительно лучше, голова прояснилась. Пришла мысль навестить Углука, которому Каспар стал чем-то вроде опекуна. Возвратившись из последнего похода, орк отказался возвращаться на родину, поскольку к нему, по его мнению, там относились без должного уважения.

– Настоящие орки перевелись, никто не хочет идти на войну, живут только огородами и рыбалкой, – ну разве это не позор? – возмущался Угрук. Последние пятнадцать лет он наемничал, воюя то за одних, то за других. В сражениях погибли его земляки-орки, и теперь даже в родных краях он не мог найти родственную душу. Его родной брат, с радостью приняв триста дукатов на новый дом, уговаривал Углука жениться, однако при первом же сватовстве будущая супруга выдвинула такие требования, что Угрук в страхе бежал до самого Северного моря и осел в городе Коттоне. На новом месте ему не повезло, он много проигрывал в кости, а однажды жулики опоили его сонными вином и бросили под столом в кабаке, сняв с пояса кошельки с дукатами. Очнулся орк уже в долговой тюрьме, поскольку не смог расплатиться за выпивку. Хорошо, что часть золота сохранилась в банке Генрика Буклиса и позже туда добавилась сумма за последний поход. Зная за собой склонность к мотовству, Угрук попросил Каспара взять его золото под свое управление, опасаясь, что спустит все добытое потом, кровью и двуручным мечом.

Каспар выдавал Углуку на пропитание по половине дуката в месяц, это равнялось месячному доходу преуспевающего ремесленника, а еще похлопотал, чтобы его взяли на службу. Это было нелегко, поскольку Углюк только и умел, что махать мечом да орать «в атаку!», а в мирной жизни его мастерство оказалось ненужным.

Пустив в ход свои связи, Каспар все же нашел ветерану-наемнику подходящее место. В Ливене расплодился воров. Они сильно досаждали торговому сообществу, дня не проходило, чтобы не обчистили какой-нибудь склад: то кожи дубленые утащат, то штуку шелка, то целый воз сахарных голов. Купцы пошли на хитрость, построили склады в одном месте, чтобы удобнее было охранять, но воров сбились в шайки и ходили на эти склады войной, без жалости истребляя сторожей и все равно утаскивая свою долю.

Вот тут и пригодился Углюк. Поначалу, когда Каспар завел речь о своем боевом товарище, которому требуется служба, торгаша денежки попрятали, не хотели орка на службу брать, но когда увидели этого гиганта с огромным двуручником в воловьих ножнах и в неизменном помятом шлеме, их мнение переменялось.

- А что же, думаю, эдакий страшилище многих отвадит, – сказал один купец.
- Да и крепок он изрядно, – согласился другой. – Такой и кулаком зашибет.
- Зашибет, – согласились остальные.

Углука взяли на недельный испытательный срок, пообещав, если преуспеет, платить по серебряному рилли за день работы – деньги для здешних мест просто немыслимые.

Орк заступил на пост и в первую же ночь испытательной службы зашиб несколько воров до смерти, а тех, что сбежали, успел покалечить.

Во вторую ночь воров собрались объединенной шайкой и устроили самый настоящий приступ: двоих помощников Углука зарезали, но сам орк отделался царапинами и снова обратил противника в бегство, оставив многих под стенами складов.

В третью ночь было тихо, воров собирались с силами. Они созвали с пригородных дорог лесных душегубов, с кем в прежние времена жестоко враждовали, но объединились ради общего дела, и в четвертую ночь количеством в полторы сотни голов снова двинулись на склады.

Купцы, решив, что никому не сдержать такую большую воровскую армию, кинулись к старшине Вишмунду подмоги просить, золота поднесли. Деньги старшина взял, но делать ничего не стал – его пьяницы-стражники ни на что не годились.

Воры, с арбалетами и десятифутовыми пиками, между тем пошли на приступ. К их удивлению, Углука под стенами не оказалось. Старый наемник атаковал их с тыла, а когда воров опомнились, снова растворился в темноте, чтобы появиться с другой стороны.

Начав нести жестокие потери, разбойники стали ссориться, и это ускорило их поражение – в конце концов орк обратил их в бегство.

Купцы, уже было распрощавшиеся со своим товаром, от счастья наобещали орку золотые горы, но, поостыв, вернулись все к тем же тридцати рилли в месяц, правда, отменили испытательный срок, поскольку и так было ясно, что Углюк на это место годится.

3

Жил орк в двух кварталах от Рыночной площади. Каспар прошел по вонючей Рыбной улице, свернул на Угольную, где выпавший ночью снег был перемешан с угольной пылью. Здесь царило оживление – пользуясь небывалым спросом, угольщики избавлялись от накопленного в подвалах топлива.

– Поберегись! – то и дело слышал Каспар, и мимо него громыхали подводы.

Углука он застал в его жилище – орк жил в давно не видевшем ремонта доме, который прежде занимал городской палач. Лет пять тому назад суд и приговоры взял на себя соответствующий департамент герцога, а старый палач, оставшись без дела, захворал от горя и вскоре умер.

Каспар поднялся по растрескавшимся ступеням и толкнул едва державшуюся на проржавевших петлях дверь.

В комнатах было пусто и холодно. Кроме сколоченного из некрашенных досок стола и пары стульев, да еще застеленного солдатским одеялом топчана, другой мебели здесь не было. В распахнутое окно намело снегу, который, не тая, лежал у стены; орк холода не боялся и спокойно переносил мягкие зимы в одной кожаной жилетке.

– Ваша милость, господин орк, отпустите меня, пожалуйста, я больше не буду! – послышалось со двора.

Каспар прошел через комнаты и оказался на небольшом внутреннем дворике. У стены на перевернутом бочонке восседал Углук, поедая половину зажаренной свиной туши, лежавшую на втором бочонке, что стоял напротив. На врытом посреди дворика столбе висел привязанный за ногу оборванец, который дергался, как муха в паутине, исторгая слезные просьбы отпустить его.

Заметив Каспара, орк воткнул нож с жаркое и бросился к дорогому гостю.

– Ваша милость, какая радость для меня! – Он со всей сердечностью прижал Каспара к засаленной жилетке.

– Полегче, ты же меня раздавишь, – пробормотал гость, с трудом высвобождаясь из объятий Углука.

– Не желаете свининки? – радостно предложил орк. – Есть вино и пиво!

– Ничего не нужно, спасибо!

– Отпустите меня, господин орк! – снова загнусавил оборванец. – Век вам благодарен буду!

– Это кто у тебя?

– Воришка, сегодня ночью попался.

– А чего ты его не пришиб?

– У меня костей и мусору скопилось пропасть, должен же кто-то их убрать. – Орк указал мослом в угол двора, где действительно были свалены в кучу кости от недавних пиршеств. Еда для Углука являлась тем, что примиряло его с этим миром. Он мог съесть любое количество пищи, чем завоевал симпатии Генриетты, угощавшей однажды орка обедом. В совместных с Каспаром походах Углук представлял для отряда большую проблему, поскольку всегда был голоден и все разговоры сводил к еде. Орк ухитрялся проесть даже те полдуката, что Каспар выдавал ему, вкупе с тридцатью серебряными рилли, которые платили торговцы.

Все трактирщики города искали его расположения, неизменно приглашая на дегустации колбас и шпика, ибо, если еда Углуку нравилась, он покупал целиком жареную свинью или пару баранов.

– Ну так пусть убирает, – сказал Каспар, невольно поеживаясь при виде голых рук и перепачканного свиным жиром оголенного орочьего пуза.

– Пусть убирает, – пожал плечами Углук и, не переставая глодать мосол, метнул нож, который воткнулся в столб, перерубив веревку. Освобожденный воришка ударился головой о землю и свалился на бок.

– Похоже, он шею свернул, – предположил Каспар.

– Это едва ли, я это породу изучил – живучие, как гоблины. Сейчас оклемается.

И действительно, вор дернул ногой, потом рукой и приподнял голову:

– Спасибо, господин орк!

– Давай, складывай кости в мешки и поторопись, а то я голодный сегодня очень – доем свинью и за тебя примусь.

– А... а разве господа орки едят людей? – спросил вор, обращаясь скорее к Каспару.

– Людей нет, а воров – частенько.

Поверил пленник или нет, но он живо кинулся к груде костей и начал засовывать их в лыковые мешки, в которых Углуку доставляли из трактиров жареные свиные туши.

Когда мусор был сложен, Углук вытолкал вора вместе с мешками за порог и наподдал ногой, пригрозив в следующий раз прибить, если еще раз сунется к складам.

– Как поживает имдресс Генриетта, как ваш сынок, растет? – спросил орк, возвращаясь к гостю.

– Спасибо, все хорошо. А как ты?

– Да вот – еда имеется, служба тоже... – Орк вздохнул.

– Скучаешь? – угадал Каспар.

– Не знаю как и сказать, только меч я больше с собой не ношу, обхожусь вон колотушкой. – Орк показал кивком на прислоненную к стене суковатую палку. – Воевать больше не с кем.

– Понимаю, – сказал Каспар. Всего полгода прошло с того времени, как они выпутались из гибельной ситуации, да и то лишь потому, что удача была на их стороне, и вот пожалуйста – едва залечив раны и ожоги, оба, и Углук, и Каспар Фрай, заскучали.

– А славно мы погуляли, ваша милость, в пустыне Сабинленд.

– Славно, – согласился Каспар, вспоминая, как вздувалась пузырями кожа на них самих и на их лошадях, когда огненные драконы пронеслись над головами.

– У меня даже шрам остался. – Углук снял шлем, с которым не расставался, и показал полукруглые рубцы как раз там, где раскалившийся шлем пригорел к его голове.

Он нахлобучил шлем и повторил:

– Славно было.

– Славно, – улынулся Каспар. – Что ж, рад был застать тебя в добром здравии, пойду теперь домой. Как-нибудь еще загляну.

– Заглядывайте, ваша милость, а то скучно тут.

Когда Каспар вернулся домой, Генриетта уже приготовила поздний обед, Хуберт шлепал из комнаты в комнату, таская на веревке деревянную лошадку, тетка Каролина наблюдала за ним из угла, успевая вывязывать на спицах пуховые носочки.

Заниматься в зале на боевых тренажерах настроения не было, и Каспар просидел до вечера у окна словно в ожидании какого-то события.

4

Ночь выдалась спокойная, слышно было, как шуршат по стеклам снежинки и скрипит снег под ногами патрулирующих улицы стражников.

Изредка просыпаясь, Каспар смотрел в темноту и снова погружался в тревожное забытие. В очередной раз он очнулся на рассвете от стука в ворота.

Каспар выглянул в окно, но ничего определенного не увидел – на улице стоял предрасветный сумрак, слабый свет почти не пробивался сквозь витражи. Пришлось открыть створку.

– Эй, кто там? – крикнул он, щурясь от снежинок, которые летели в глаза.

– Посыльный от его светлости к его милости Каспару Фраю! – крикнули от ворот.

Каспар свесился из окна и разглядел перебиравшую ногами лошадь и посыльного в синем мундире.

– Сейчас спущусь! – крикнул Каспар и закрыл окно.

– Опять, что ли, от герцога? – хрипло спросила Генриетта.

– От его светлости, от нашего благодетеля.

– Благодетель, тоже мне, – проворчала Генриетта и закуталась в одеяло.

Каспар подошел к дверям, накинул плащ, на всякий случай нацепил пояс с кинжалом, сунул ноги в сапоги и спустился во двор. Снега насыпало по щиколотку.

«Надо бы расчистить», – подумал он.

За воротами действительно оказался посыльный герцога.

– Заходи, – сказал хозяин, заметив, что курьер, проскакавший пятнадцать миль, здорово продрог.

– Благодарю, ваша милость.

Посыльный завел во двор лошадь и привязал к старой коновязи.

– Пойдем в дом.

Каспар провел гостя на кухню, усадил за стол и зажег масляную лампу, чтобы было светлее.

– Я согрею тебе травяного отвара с ромом.

– Большое спасибо, ваша милость. – Посыльный снял треуголку и блаженно заулыбался.

Каспар раздул в печи угли, подбросил щепок и дров, потом взгромоздил на плиту медный чайник.

Пока грелась вода, он принял пакет и распечатал.

Его светлость приглашал в Ангулем, прямо с этим же посыльным. О причинах вызова не говорилось ни слова, но Каспар сразу вспомнил ночную грозу и неясные образы на потолке. Что-то назревало.

В чайнике зашумела вода, Каспар поднялся и, бросив в глиняную кружку порцию душистых трав, залил их кипятком. Потом добавил морского рому.

– Вот, это тебя согреет, – сказал он, подавая угощение.

– Спасибо, ваша милость, вы очень добры.

Каспар помолчал, глядя в огонь печи, потом сказал:

– Сейчас поедешь к лошадинику Табрицию и приведешь моего коня.

– Да, ваша милость, я помню.

– Помнишь? В прошлый раз ты приезжал за мной?

– Я, ваша милость, – расплылся в улыбке посыльный.

– Понятно. Арбалеты твои с тобой?

– А куда же я без них?

– Когда же ты приезжал в прошлый раз?

– Тому скоро год будет.

- Как время летит.
- Здорово мы тогда разбойников на дороге поприжали.
- Да, они хотели нас прижать, а получилось наоборот.

Гость допил отвар, и Каспар проводил его до ворот. Когда поднялся в дом, на кухне уже гремела кастрюлями Генриетта.

- Ты чего так рано встала? – спросил он.
- Нормально встала, как всегда. Ты опять к герцогу поедешь?
- Поеду, надо же выяснить, зачем я ему понадобился.

– Известно зачем – артефакты из огня выхватывать. На то и Каспар Фрай, чтобы головой рисковать, не думая о семье...

– Ты напрасно так говоришь о его светлости, он прекрасно понимает, что и как.

– Да чего он там понимает? – Генриетта грохнула крышкой и пнула ногой полено. – Какое ему дело до того, что у тебя есть жена и ребенок?

– Ну, знаешь, его светлость решает задачи в масштабах всего герцогства, при нем мы процветаем.

Генриетта хотела что-то возразить, однако, вспомнив о золоте ее мужа в банке, промолчала. Получалось, что они действительно процветают. И дом у них, и достаток, все есть.

5

Посыльный возвратился минут через сорок, когда уже почти рассвело. Каспар нацепил меч, кинжал, накинул теплый плащ и, прихватив чехол со сложенным луком и запасом стрел, спустился к воротам.

Снег уже прекратился, приведенный мардиганец бил копытами и тряс головой – ему еще не приходилось видеть такую зиму. Каспар заметил, что конь не его.

– Лошадник сказал, что ваша немного захромала, поэтому дал другую.

– Ничего страшного, – сказал Каспар, осматривая прибывшего на замену мардиганца. – Зато седло мое и уздечка.

Каспар сунул в седельную сумку чехол с луком и стрелами.

– Арбалеты близко положил?

– Близко, ваша милость.

– Это правильно.

Дорога к замку Ангулем пролежала между лесистыми холмами, среди которых свивали гнезда разбойники. В прошлый раз, когда Каспар ездил в замок в сопровождении курьера, на них пыталась напасть какая-то шайка, однако разбойникам не повезло, те, кто уцелел, были отданы в руки герцогского палача.

Каспар уже был в седле, когда во двор спустилась Генриетта – запереть за ним ворота. В руках она держала небольшой узелок.

– Это вам, – сказала она, протягивая его посыльному. – Тут горячий пирог.

– Благодарю, миссис Фрай.

– Когда тебя ждать? – спросила Генриетта мужа.

– Как обычно, к вечеру.

Когда всадники выезжали из города, сквозь низкие снежные тучи стало пробиваться солнце, на пустынной дороге заискрился свежий снег.

Потянулись лесистые холмы, за ними – вдаль виднелись горы. Зима принесла не только холод, но и некоторые удобства – повсюду, куда ни глянь, была снежная целина, на которой, как в книге, можно было читать, кто здесь проходил.

Вот пробежала мышь, а тут ненадолго присела и взлетела птичка, оставив росчерк своего крыла, чуть дальше пробежал, петляя, заяц, под кустом подрались вороны, расшвыряв снег и обронив пару перьев. Если бы кто-то вздумал устроить у дороги засаду, у него бы ничего не вышло.

Странно было видеть покрытые снегом деревья, которые не сбрасывали к холодам листья. Иногда от легкого дуновения ветра снег обрушивался с них водопадом, обламывая ветки и пугая лошадей.

– Чудеса, – сказал посыльный. – Последний раз я видел снег еще мальчишкой... Это правда, что с приходом зимы умрут озерные люди? Вам приходилось их видеть, ваша милость?

– Приходилось, даже чересчур часто. Помнится, одного я даже схватил за клешню...

– Схватили? И он не утащил вас в омут?

– При мне был охранный амулет.

– Амулет – другое дело, – согласился курьер. – А вот у меня нет амулета – только пара арбалетов.

– Ничего, на крайний случай сгодятся и арбалеты.

Снег искрился на солнце, лошади бежали бодро, через пару часов показался выстроенный на скале неприступный замок Ангулем, а еще через полчаса Каспар и его спутник въехали по опущенному мосту на широкий двор.

Теперь здесь не было солдат и палаток, временных коновязей и огромных куч навоза, который оставляли сотни лошадей, – король Рембург ушел с северных границ и необходимость в дополнительных полках отпала.

Но часовые все так же стояли на стенах, и на их пиках развевались флаги герцогов Англемских и дома Рембургов, вассалами которого те формально являлись.

6

Проводив Каспара до замка, посыльный оставил его на попечение гвардейского капитана.
– Идемте за мной, сэр, я провожу вас к его светлости, – сказал капитан. – Эй, прими коня! – прикрикнул он на замешкавшегося конюха.

К удивлению Каспара, капитан повел его не через парадный вход, а по каким-то подвальным коридорам.

– Куда мы идем?

– Его светлость примет вас в дальнем крыле замка, в охотничьей гостиной.

По стенам сумрачной галереи были развешаны факелы, однако даже они не оживляли серого камня и закопченного потолка. Сквозняк заставлял их пламя метаться, отображая на стенах чудовищные силуэты.

Внезапно откуда-то из-под пола донесся приглушенный стон, который быстро оборвался.

– Что это? – не удержался от вопроса Каспар.

– Следователи проводят дознание, как раз под нами казематы их департамента.

Воздух в галерее вдруг показался Каспару каким-то нечистым, он расстегнул ворот куртки и откашлялся.

– Тут винтовая лестница, сэр, будьте осторожны, здесь нет освещения, – предупредил капитан и стал подниматься первый, звеня шпорами.

Поднимались они довольно долго, потом забрезжил желтоватый свет факела, и капитан толкнул дверь, которая вывела их в один из коридоров со знакомым убранством, правда, какой это был этаж, Каспар не знал.

– Прошу вас сюда, сэр. – Капитан негромко постучал и, не дожидаясь ответа, распахнул дверь.

Каспар вошел. Посередине гостиной стоял герцог, после неприятностей полугодовой давности его светлость выглядел отдохнувшим. Он снова отпустил волосы и собирал их в длинный хвост, бороду, напротив, сбрил, оставив лишь тонкие усы.

– Я рад тебя видеть, Фрай! – воскликнул герцог и пошел навстречу гостю, демонстрируя наигранное радушие. Впрочем, Каспар привык к этой игре и воспринимал ее как неизбежность. Он не нуждался в дружеском отношении своего покровителя, достаточно было того, что его светлость щедро платил за услуги.

Они обменялись рукопожатием, герцог смотрел в глаза Каспару, словно хотел сказать: смотри, я жму тебе, простолюдину, руку.

– Давай присядем к камину...

– Благодарю, ваша светлость. – Каспар подождал, пока герцог опустится в кресло, потом сел сам.

– Наверное, ты удивлен, Фрай, что я принимаю тебя здесь, а не в своем кабинете?

– Немного удивлен, ваша светлость.

– Представь себе, в моем кабинете стало сыро и холодно, пришлось развести огонь в камине, а он дымит – семь лет никто не разводил в нем огня, и теперь его срочно взяли чистить.

– То же самое и в городе, ваша светлость, угольщики сколачивают состояние, башмачники и портные от них не отстают... Снег удивил многих.

– М-да, – произнес герцог, подбросив в камин щепку, она ярко вспыхнула. – Если бы с приходом зимы замерзала вся эта политика, интриги, заговоры...

Каспар молчал, ожидая, когда его светлость заговорит о деле.

– Пока что на границах тихо, король Ордос нас не беспокоит, хотя, конечно, он о нас не забыл, заставить Рембурга не думать об Ангулемских – такого за последние четыреста лет

не бывало. Каждый из них пытался заполучить себе земли герцогства, и только нынешний – Ордос Четвертый – пока не начал войны, но, боюсь, это ненадолго...

Герцог помолчал, глядя в огонь, потом продолжил:

– Я бы с радостью отправил тебя за очередным артефактом, для этого у меня есть и карты, и переведенные с арамейского описания...

Каспар кивнул, герцог знал многие языки, в том числе давно забытые, на которых говорили нечеловеческие расы, жившие в этих местах многие тысячелетия назад. Тяга к неизведанному и особые знания делали герцога не совсем обыкновенным правителем. Он не завел семьи и свой трон собирался оставить в наследство сыну брата, правившего небольшим королевством за Лазурным океаном.

Внешние угрозы, однако, вынуждали герцога, забыв о тайных знаниях, распутывать интриги врагов и наносить ответные удары.

– Тебе когда-нибудь приходилось бывать в столице королевства Рембургов – Харнлоне?

– Никогда, ваша светлость.

– Ну, ничего страшного, тем интереснее тебе покажется это путешествие.

– Ваша светлость хочет отправить меня с посольством?

– Какое же посольство, помилуй, Фрай, мы ведь вассалы Рембургов, а посольствами обмениваются только суверенные монархи. Однако свои глаза и уши в Харнлоне мне бы не помешали.

Герцог посмотрел на Каспара, но тот молчал, ожидая дальнейших разъяснений.

– У нас случилась беда, Фрай.

– Что за беда, ваша светлость?

– Беда с руководителем моей канцелярии.

– С графом Ротеньером?

– Вот именно. – Герцог вздохнул, глядя перед собой, словно раздумывал, стоит ли посвящать в это Каспара. – Я принимаю тебя здесь не потому, что в кабинете дымит камин, Фрай, а потому что каминная труба там разобрана. Совершенно случайно мы обнаружили проложенную в ней медную слуховую трубку, которая вела напрямиком в кабинет графа Ротеньера.

– Что? Граф Ротеньер? Не может быть... – Каспар был потрясен. Вот уж от кого он не ожидал такого, так это от гуляки-графа, охочего до выпивки и развлечений с девицами, неустанно увеличивавшего население принадлежащих ему деревень и частенько этим хваставшегося.

– Ротеньер долго подслушивал меня, неизвестно, сколько депеш он отправил противнику.

– Но вы его схватили, ваша светлость?

– Разумеется. – Герцог вздохнул. – Он был арестован, его пытали, но он молчал. То есть орал, конечно, молчать в руках у моих молодцов не получится, однако ничего существенного сообщить не мог, мычал, пускал пену... Потом кому-то в голову пришла мысль, что он околдован, пришлось позвать колдуна, и тот...

– Мессира Маноло?

– Нет, к сожалению, мессира Маноло сейчас нет в замке... Ты перебил меня, Фрай.

– Извините, ваша светлость, вырвалось.

– Одним словом, колдун указал на кованый гвоздь, который несчастному забили в правое легкое.

– Да ну? – искренне поразился Каспар.

– Именно так. Позвали военного лекаря, он сделал надрез и действительно выдернул клешами этот гвоздь, – вот такой здоровый. – Герцог расставил пальцы, показывая, какой именно длины был злополучный гвоздь. – После этого граф стал истекать черной кровью и выкрикивать слова заклинания, которые были произнесены над ним во время колдовского насилия.

Разумеется, слова он выкрикивал задом наперед, но я могу мгновенно распознавать их – это был древнеарамейский вперемешку с несколькими огрскими словами. Когда я сказал об этом колдуну, тот заверил меня, что колдовство наводили люди просвещенные, а именно маги, только они знают древние наречия, а колдунам такое ни к чему.

– А что же граф, ваша светлость?

– Бедняга так и не заговорил и третьего дня умер. Твой знакомый, граф фон Марингер, очень горевал, он считает, что это его ошибка.

– Как он вообще, ваша светлость, справляется?

Герцог неожиданно рассмеялся.

– Извини, Фрай, но мне показалось смешным, что я обсуждаю с простолюдином поведение моего бюварда. Впрочем, не обращай на мои слова внимания, я прекрасно понимаю, сколько сил и поистине братской любви ты затратил, поддерживая фон Марингера, когда тот переживал не лучшие времена.

Они снова помолчали.

– Конечно, я бы строго спросил за такой промах, будь фон Марингер на месте управляющего департаментом, однако этот пост дан ему в нагрузку, пока я не подберу на эту должность подходящую кандидатуру.

Услышав слова герцога, Каспар немного струсил: уж не собирается ли его светлость предложить ему стать главным костоломом? Воевать Каспар умел, но вести следствие, понукать палачей и разбирать среди воя слова признаний – это увольте.

Должно быть, герцог прочитал все это во взгляде Каспара.

– Нет-нет, Фрай, на это место требуется дворянин, и только. Думаю, нам надо перевести дух.

Герцог взял со стола колокольчик и позвонил. Явился лакей.

– Горячего шоколада нам, разумеется, с ромом...

Лакей поклонился и выскользнул в коридор.

– Несмотря на беспокойное время, мне продолжают поставлять лучший шоколад. Пробовал когда-нибудь?

– Только слышал, ваша светлость.

– Значит, попробуешь, это сейчас очень модный напиток. Ко двору Ордоса Четвертого его поставляют сотнями фунтов в год, представляю, во что это обходится.

– Я слышал, шоколад похож на медовый отвар с полынью.

– Ну... кому-то, может, так и покажется, но мне шоколад нравится, он меня бодрит, а в такую погоду заставляет кровь быстрее бежать по жилам.

Принесли две высокие фаянсовые кружки, над которыми вился пар. Лакей поставил их на блюдца и подал – сначала герцогу, потом его гостю.

Каспар с подозрением заглянул в кружку. Напиток был странного цвета – иссиня-коричневого. Пахло из кружки ароматным, выдержанным в гефовых бочках ромом. За одну небольшую дощечку из благоухающего дерева геф можно было выменять пять мардиганцев со сбруей, а тут целые бочки.

– Пей, чего смотришь?

Каспар сделал глоток.

– Ну, что скажешь? – поинтересовался герцог.

– Очень... вкусно, ваша светлость, – с трудом произнес Каспар. Ему приходилось пить вещи и похуже – тот же отвар из полыни с медом, чтобы избавиться от лихорадки, но шоколад...

– Пей, с непривычки он никому не нравится, зато когда распробуешь...

– Сколько же стоит, к примеру, эта кружка, ваша светлость?

– Сорок серебряных рилли.

– Что? Почти полтора дуката? – поразился Каспар.

– А чего же ты хотел? Это королевское угощение, уверяю тебя, ты первый из простолюдинов, кому посчастливилось попробовать шоколад.

– Сорок рилли, – повторил Каспар, заглядывая в кружку. Теперь неаппетитный вид заморского угощения интриговал его. Собравшись с духом, Каспар в несколько глотков выпил шоколад и выдохнул в сторону камина – на глазах выступили слезы.

– Да ты, я вижу, разохотился, – заметил герцог, не спеша потягивая свою порцию. – Однако вернемся к нашим делам, Фрай.

Герцог снова бросил в огонь щепочку.

– После долгих раздумий я пришел к выводу, что лучше тебя роль лазутчика не выполнит никто.

– Лазутчика? – переспросил Каспар. Было в этом слове что-то неприличное. Лазутчиков всегда ловили и вешали на деревьях, с ними не церемонились и никогда не брали в плен. Против них не обнажали меча, – лазутчик считался грязным существом, которого нельзя касаться благородным оружием, вот петля – другое дело.

– Еще никогда я не занимался ничем подобным, ваша светлость, – робко начал Каспар. – Ходил в атаку, шел в разведку боем и всегда давал шанс врагу убить себя.

– Какая ж тут доблесть – дать себя убить? – возразил герцог. – Ты ведь умен, Фрай, ты необыкновенно умен. Случалось, я не ждал твоего возвращения, понимая, что послал тебя в убийственный поход, но ты возвращался с победой!

– Но без единого бойца, ваша светлость.

– Ну и что? Потери в столь опасных экспедициях неизбежны, но ты возвращался победителем и привозил артефакты. О чем это говорит?

– О чем?

– О том, что ты хитер и изворотлив, когда нужно, ты работаешь мечом, а когда меч бессилен перед мощью противника, ты, Фрай, начинаешь работать головой и обводишь этого противника вокруг пальца. Было такое?

– Ну, было, – нехотя признался Каспар.

– Вот это и есть тот самый прием, которым пользуются хорошие лазутчики. Из тебя выйдет хороший лазутчик, Фрай.

– Вы думаете, ваша светлость?

– Да я в этом уверен, – сказал герцог и залпом допил шоколад. Отставив пустую кружку, он покачал головой и сказал: – Какая все же гадость...

7

После шоколада они еще немного помолчали. Каспар с удивлением заметил на себе бодрящее действие заморского напитка.

– Ты, конечно, знаешь, Фрай, что были времена, когда королями становились Ангулемские, это потом дом Рембургов обрел нынешнюю силу. Казалось бы, все говорит за то, чтобы я задался целью вернуть себе королевский трон, однако лазутчик нужен мне для другого – я хочу знать заранее планы Ордоса Четвертого.

– Я понимаю, ваша светлость, – кивнул Каспар. В то, что герцог и в самом деле не мечтает о троне, он не верил.

– Хорошо, что понимаешь. Ты нужен мне в Харнлоне, твои глаза и уши будут моими глазами и ушами.

– И что же я там увижу, ваша светлость? Не думаете же вы, что меня примут при дворе?

– В этом нет необходимости, когда собираются начать войну, этого не скроешь. Станут набирать солдат, муштровать их, в город потянутся обозы с амуницией, провиантом, кожей, железом. Да что я тебе рассказываю – сам знаешь!

– Знаю, – вынужден был согласиться Фрай. – Но как я объясню свое прибытие? По какой надобности отправлюсь в Харнлон?

– Ты отправишься в Харнлон по делу, как негоциант.

– Негоциант? Чем же я буду торговать?

– Да чем угодно, об этом тебе еще предстоит подумать. Возьмись за какой-нибудь товар, которого в Ливене в избытке, а в Харнлоне мало. Чтобы основать торговую контору, я дам тебе достаточно денег. Будешь возить товары, а с обратным обозом посылать мне депеши.

– А если проторгуюсь? Дело-то для меня новое.

– Не страшно. Понесешь убытки, я их покрою, главное, чтобы депеши исправно поступали.

– Но меня могут опознать, ваша светлость, в Ливене меня всякая собака знает. Спросят, чего ты здесь делаешь, герцогский слуга, и на дыбу.

– Так уж и на дыбу. Ты свободный человек – не крепостной, у тебя нет постоянной службы, кое-какой капиталец имеется, вот ты и решил его приумножить – в торговое дело вложить.

– А почему не в Ливене?

– Потому что герцог постоянно мешается, то одно для него сделай, то другое – никакой личной жизни. – На лице его светлости появилась плутовская улыбка. – Ну и потом, рискованный негоциант больше заработает, если станет покупать в одном месте, а продавать в другом. И помни: очень многие чиновные люди, выйдя в отставку, начинают торговлю. Взять хотя бы старшину Виршмунда, я даю ему отставку, он уже стар, да и ворует слишком много, а он к этому уже готов, у него имеются две горшечные лавки.

– И еще одна полотняная да доли в двух трактирах.

– Вот плут! А я об этом не знал.

– За всеми не углядишь, ваша светлость.

– Так ты готов принять мое предложение?

Каспар улыбнулся: попробовал бы он не принять.

– Дело кажется мне интересным, ваша светлость.

– Ну и хорошо. Давай уговоримся так: если твои торговые дела пойдут хорошо, я тебе ничего не должен, но если потерпишь неудачу, я заплачу тебе жалованье в три тысячи дукатов за год. Разумеется, жить в Харнлоне, есть, пить и одеваться ты будешь также за мой счет или за счет удачной торговли – это как дело пойдет. Это тебя устраивает?

– Устраивает, ваша светлость. А смогу ли я перевести туда свою семью?

– Ну... – Герцог задумался. – Вряд ли это будет мудрым шагом, ведь семья – это твое слабое место. Ты готов выбрать между моими секретами и жизнью своих близких?

Каспар в ответ вздохнул.

– То-то и оно. К тому же не исключено, что ты быстро вернешься после того, как заключишь с королем договор о ненападении или сорвешь военные приготовления – всякое может случиться.

– Ваша светлость, а если я возьму с собой своих помощников, вы станете платить им жалованье?

– Хорошо, я дам им жалованье. Сколько ты хочешь?

– Если торговые дела пойдут хорошо, вы ничего не будете платить, а если я окажусь плохим торговцем, то по пятьсот дукатов за год.

– Годится. Они получают свое жалованье. Сколько тебе нужно на подготовку?

– В этом деле не так все просто, ваша светлость, для прежних походов было достаточно лошадей, оружия и припасов, а теперь нужно поговорить с торговцами и барышниками, чтобы выяснить, какой товар самый выгодный.

– Совершенно с тобой согласен, мало того, я бы разочаровался, попытайся ты взяться за это дело с наскоку. Возвращайся к себе и начинай готовиться, но чем быстрее ты отправишься в Харнлон, тем лучше, поскольку весной Ордос Четвертый может предпринять наступление. К концу зимы мне бы хотелось уже знать, что задумал король.

– Я понимаю, ваша светлость, – сказал Каспар, поднимаясь.

– Хорошо, отправляйся в Ливен, а я распоряжусь, чтобы тебя сопровождали гвардейцы.

8

На другой день с утра Каспар снова отправился к Углуку и застал его за привычным занятием – поеданием очередной жареной свиньи.

В этот раз на вкопанном посреди двора столбе висели два воришки, у одного, который молчал, был подбит глаз, а из носа капала кровь. Второй дергался, пытаясь выдернуть ногу из петли, и громко ругался.

– О, ваша милость! – радостно воскликнул орк, вскакивая с бочонка. – Вот так радость, второй день подряд вы меня навещаете! Наверное, неспроста, может, дело какое?

В голосе орка слышалась надежда.

– Дело, Углюк, – подтвердил Каспар и, кивнув на подвешенных пленников, добавил: – Только убрать бы их нужно, – разговор не для их ушей.

– Удавить?

– А мне все равно, – пожал плечами Каспар.

– Эх, надо бы удавить, а то ведь я их уже по второму разу ловить начинаю. Они, ваша милость, смекнули, что я пленных не добиваю, вот и бросают на землю ножи и дубинки, как только я их застаю.

Отвязав воров, Углюк, несмотря на протестующие крики пленников, поволок их, держа за ноги, отчего те стукались головами о ступени и косяки. Выйдя на улицу, он зашвырнул воров к противоположной стене, словно дохлых кошек и, посоветовав больше не попадаться, вернулся к гостю.

– Ну так что нас ждет, ваша милость, хорошая драка?

– На этот раз, думаю, не совсем драка.

– Не совсем драка? Как это понимать? – удивился орк.

– Нужно ехать в Харнлон.

– В Харнлон? В лапы Ордоса Четвертого? То-то он обрадуется случаю посчитаться за своего союзника.

– Мы поедем туда не под своей личиной, Углюк, а как торговое товарищество.

– Кажется, я понял! Герцог приказал вам убить короля!

– Нет, ну что ты, у его светлости и в мыслях такого не было, – возразил Каспар. – Он верный вассал своего господина, мы поедем, чтобы организовать в Харнлоне торговлю.

– Постойте, ваша милость, мы что же, действительно станем торговать?

– Но я же сказал, поедем как торговое товарищество.

– Это я понял, только подумал, что под торговцев мы будем только маскироваться.

– А на самом деле?

– На самом деле я не знаю. Что вы прикажете, то и будем делать.

– Нет, Углюк, если ты думаешь, что нужно будет все время махать мечом, лучше оставайся в Ливене, потому что на этот раз мы будем сидеть тише воды ниже травы.

– Ну, раз надо, буду сидеть тише воды, – пожал плечами орк, не совсем понимая, чем же он станет заниматься в Харнлоне. Впрочем, сидеть в Ливене, несмотря на хорошо организованное питание, ему тоже не хотелось. – А чем мы будем торговать, ваша милость?

– Этого я еще не знаю. Вот хочу сходить в Купеческое собрание, выяснить, какой товар сейчас самый выгодный.

– И когда отправляться?

– Думаю, недели через полторы-две.

– Ага, это мне подходит.

– А у тебя что, много незаконченных дел?

– Нет, просто заранее знать очень удобно. Нужно заказать новые башмаки, а то мои совсем истерлись.

– Да и штаны тебе не мешало бы поменять, а заодно и помыться.

– Помыться? Мы же в прошлый раз, когда с гномом к вам приходили, – сначала в баню заглядывали.

– Углуб, это было около восьми месяцев назад.

– Ну и что?

– Ничего, – отмахнулся Каспар. – Пойду я.

9

Проводив Каспара, Углюк вышел на улицу и, подойдя к обшарпанному дому напротив, негромко свистнул. В разбитом окне показался мальчишка.

– Что случилось, господин орк?

– Ты мне нужен, Марк, спускайся.

Скоро оборванный мальчишка лет двенадцати выскочил на улицу.

– Беги в «Медовую Лизу» и скажи хозяину, пусть идет ко мне.

– Слушаюсь, господин орк! – Мальчишка помчался выполнять поручение, грохоча деревянными башмаками. Углюк подкармливал оборванца, и тот охотно выполнял его поручения.

Орк вернулся к себе, чтобы управиться с жареной свининой, но не успел он обглодать лопатку, как в дверь постучали.

– Входи! – крикнул он со двора, но трактирщик войти не решился, пришлось Углюку отворить ему дверь.

– Вы звали меня, господин орк?

– Звал.

– А по какой надобности?

– Письмо написать нужно.

– Письмо? А сами что же?

– Сам я не шибко грамотный. То есть писать, конечно, умею, да только мою писанину никто не разберет. Во как!

– Но ведь у меня же дела, господин орк, посетители не ждут, – им пить-есть подавай.

– Руперт, я тебе кости отдаю?

– Отдаете, господин орк.

– Каждый день по полмешка набирается, правильно?

– Правильно, господин орк.

– Ты из них суп варишь, воровская рожа?

– Ва... варю, господин орк. – «Воровская рожа» напугала трактирщика.

– Ты сколько денег на этом зарабатываешь?

– Ну... совсем немного, – соврал трактирщик.

– Так, говоришь, котел супа стоит немного, Руперт? – спросил орк, надвигаясь на трактирщика.

– Прошу меня простить, на костях я зарабатываю изрядно – пять рилли в день, господин орк.

– Это значит... – Орк стал пересчитывать в уме серебро в золото. – Это три дуката в месяц, я прав?

Трактирщик со вздохом кивнул.

– Ладно, не трясись, я же с тебя золота не требую, я прошу только написать письмо.

– Хорошо, ваша милость господин орк, напишу письмо. У вас бумага имеется?

– Откуда у меня бумага, Руперт, ты в своем уме? Я – сторож.

– Хорошо, я принесу бумаги для одного письма, – сказал трактирщик и повернулся, чтобы идти к двери.

– Стой! Возможно, будет два письма или даже три.

– Три! А знаете, сколько сейчас бумага-то стоит? – начал было трактирщик и тут же осекся. – Сейчас все принесу, господин орк.

– И побыстрее, – напомнил Углюк и вернулся во двор, где лежала еще недоеденная треть свиньи.

Трактирщик скоро возвратился и принес необходимые принадлежности – бумагу, чернила из болотных ягод и перо из потсдамского гуся, правда, совсем стертые – стоили такие перья недешево.

– А где же я буду писать? – спросил трактирщик, остановившись посреди двора, – Стола нет, да и холодно очень.

– В дом пойдем, там и согреешься.

– В доме у вас тоже не больно тепло, печку не топите, – стал жаловаться трактирщик.

– А чего ее топить, это ж не морозы, просто пасмурная погода, а когда солнышко выглянет, так хоть купаться иди.

– Это для вас погода теплая, а для людей – зима.

Углюк усадил трактирщика к столу и набросил ему на плечи единственное шерстяное одеяло, сняв его с топчана.

– Ну что, так лучше?

– Лучше, господин орк, но при одном взгляде на вас озноб пробирает.

– Не обращай внимания, мне в моей жилетке очень даже тепло, – сказал Углюк и погладил голый живот.

Трактирщик разложил бумагу, окунул перо в чернила и вопросительно посмотрел на Углюка.

– Пиши так: «Дорогой братец Фундинул».

– Имя какое странное, нечеловеческое.

– Ну, конечно, нечеловеческое – это же гном. Итак, «Дорогой братец Фундинул пишу тебе чтобы сообщить что его милость Каспар Фрай...»

– Это который живет на Бычьем Ключе?

– Не твое дело, пиши дальше: «...Каспар Фрай собирается устроить торговое дело в столице... в городе...»

Углюк задумался. Он понимал, что ненароком может выдать секреты, и не знал, как эти секреты обойти.

– Ладно, пиши: «...торговое дело в королевстве Рембургов».

– А я уже написал «...в столице».

– Зачеркни.

Вскоре письмо было закончено, и Углюк приказал писать второе.

– Пиши: «Дорогой братец Аркуэнон с приветом к тебе пишу я Углюк. Я сейчас проживаю в городе Ливене да и ты я слышал где-то здесь обретаешься...»

– Что за странное имя? Он тоже гном?

– Нет, он эльф, но это тоже не твое дело.

– Эльф! – поразился трактирщик. В здешних краях видели только гномов, которые занимались оружейным и кузнечным делом, а вот эльфы были большой редкостью.

Когда второе письмо тоже было написано, Руперт вздохнул и отложил перо.

– Ну все, я могу идти?

– Иди и письма прихвати, помозгуй, каких побыстрее отправить.

– Я что, и отправлять их тоже должен? Это уже форменный грабеж!

Углюк вздохнул, ему не нравилась жадность трактирщика.

– Руперт, если кто-нибудь узнает, что ты из объедков варишь суп...

– Ладно-ладно, я все понял. Письма я отправлю, куда прикажете.

– Вот и отлично, первое в Коттон, на побережье.

– Знаю, – вздохнул трактирщик. – К счастью, мой брат туда каждые два дня обозы гоняет.

– Вот и отлично. А второе – для эльфа на хутор, это прямо здесь, в лесу, к северу от города.

10

Не ведая о том, чем занимается Углюк, Каспар отправился в Купеческое собрание. Попасть в это здание, минуя Скотную площадь, было невозможно, и Каспар зашагал между загонами, слушая надрывные крики привезенной на продажу скотины.

Свиньи, овцы, лошади, мулы, коровы – все кричали на свой лад и пахли тоже по-своему. Кое-где навозная жижа вытекала из загонов прямо на мостовую, и Каспару приходилось перепрыгивать с пятачка на пятачок, чтобы не запачкать сапоги, за которые он отдал четыре дуката. Не замечая грязи, между загонов прохаживались покупатели, в основном владельцы городских живодерен. Они внимательно присматривались к товару и жестко торговались за каждую голову, заранее сговорившись не поднимать цену.

Вот и знакомое здание, Каспару дважды приходилось заглядывать на его чердак в поисках эльфа Аркуэнона, по другим делам он сюда никогда не заходил.

Пройдя мимо вытянувшегося стражника, Каспар вошел в большую приемную залу, однако в этот час здесь никого не было, лишь в питейном углу возле длинного дубового стола отдыхали несколько приезжих негоциантов – в длинных одеждах и высоких валяных шляпах. Каспар направился к ним.

Купцы о чем-то переговаривались, но, увидев Каспара, замолчали.

– Чего изволите? – спросил хозяин, узнав гостя и заискивающе глядя ему в глаза.

– Мне бы пива.

– Белого или медового?

– Белого, – сказал Каспар, чтобы сделать трактирщику приятно – белое стоило дороже.

– Откуда прибыли, люди торговые? – степенно начал он.

– С юга идем, – ответил один из них, с длинной золотистой бородой, черты лица выдавали в нем уроженца халифата. Другие купцы молчали, настороженно поглядывая на дорого одетого господина и гадая, уж не налоговый ли это сутяга, вынюхивающий, сколько прибыло возов.

– Приходилось мне бывать на юге, – сказал Каспар, принимая фаянсовую мерку с пивом.

– Где же бывали? – спросил рыжий.

– Проходил Кремптон, бывал в халифате и даже до моря дотягивался.

– Мы тоже прошли Кремптон, – угрюмо заметил один из купцов. – Лорд ихний сам к возам выходил, чтобы налог назначить, едва штаны у него не оставили, разбойники и то дешевле обходятся.

Другой купец дернул его за рукав, дескать, неизвестно, перед кем открываешься.

– Не бойтесь меня, лорд Кремптон мерзавец и враг нашего герцога. Что же сейчас возят на север – ткани, серебро, ароматное дерево?

Купцы переглянулись и еще ниже наклонились над своими кубками.

– Да вы не бойтесь, люди торговые, я ведь в департаменте не служу, вон и хозяин подтвердит, он меня знает.

– Так точно, – поклонился трактирщик. – Это господин Фрай, человек в городе уважаемый, трудящийся только на свой живот, постоянной службы не имеет.

– Спасибо, братец. Я ведь чего расспрашиваю, господа негоцианты, ремесло мое для человека молодого, беспокойного, а мне уже не хочется головой рисковать, вот и подумал в торговлю податься. Правда, умения никакого, только желание. Не подскажете, с какого товара начать лучше? Какой сейчас самый выгодный?

Купцы сразу отвечать не стали, помолчали, поглядывая друга на друга, затем заговорил рыжий:

– Это смотря какую торговлю выбрать. Если в городе лавку открыть – прибыль небольшая, зато дело спокойное, а если доставлять товар возами, то разбойники донимать будут, охрана нужна хорошая, зато, если довез товар, тут уж барыш будет отменный.

– Получается, если прибылей захочется, все равно мечом махать придется? – уточнил Каспар.

– Выходит так, – кивнул рыжебородый.

– А товар лучше в Харнлон везти?

– Ну, в Харнлоне хорошие деньги дают, – вынужденно согласился рыжий. – При дворе короля много богатых людей, им и шелк, и серебряная посуда нужны, такие покупатели почти не торгуются.

– А какой товар самый выгодный? – не отставал Каспар. – С какого самый большой барыш?

– Ну... – рыжебородый вздохнул, – шелка хорошо берут, оружие с позолотой – тоже.

– А шоколад?

– Шоколад? – Купцы быстро переглянулись и снова уткнули носы в пиво.

– Мы таким товаром на занимаемся, – нараспев произнес рыжий, но Каспар ему не поверил.

– А почему не занимаетесь? Я слышал, за него бешеные деньги предлагают.

– Так-то оно так, только убьют за него, если только узнают, что такой груз на дороге появился. С шоколадом не пройти.

– Нет, не пройти, – подтвердили остальные негоцианты. – Лорд Кремптон возы собаками проверяет, если найдет шоколад, отберет, а перевозчиков в замок уводит, поговаривают, у него там калхинуда живет – демон с нижнего мира и он его человечиною кормит.

– Это вряд ли, – усмехнулся Каспар, хотя видел эту калхинуду собственными глазами. – Значит, шоколад возить самое выгодное?

– Именно так, ваша милость, в золоте купаться будете, если, конечно, голову в дороге не сложите.

Не ограничившись единственной беседой с купцами, Каспар еще раз пришел в Собрание вечером. Теперь он вел разговоры уже с местными ливенскими барышниками, с которыми был знаком. Всем им, с напускной грустью в голосе, он признавался, что устал от своей работы и хотел бы уйти в торговлю.

Про свои дела купцы молчали, не хотели выдавать секретов, когда же Каспар спросил, что лучше возить в Харнлон с юга, они осмелели и стали давать советы – сколько брать, как везти да где лучше продавать, от каких разбойников можно откупиться, а с которыми нужно в сечу вступать.

С женой по поводу нового задания Каспару тоже пришлось объясняться, и он честно соврал, что герцог поручил ему создать в Харнлоне торговое представительство.

– Его светлость изрядно поиздержался во время недавних беспорядков, вот и решил восстановить казну за счет своего неприятеля – короля Ордоса.

Генриетта не очень-то верила рассказам мужа, однако возразить ей было нечего, ведь Каспар заказывал портным новую одежду, никак не связанную с военными походами – ни новых лат, ни стрел, ни мечей. Только зимние плащи да валяные шерстяные шляпы, что носили люди купеческого сословия.

«Неужто и правда за ум взялся?» – не могла поверить Генриетта.

11

Утром четвертого дня после возвращения Каспара из замка Ангулем в его ворота громко постучали.

Распахнув окно, он выглянул на улицу, и каково же было его удивление, когда он увидел у ворот потряхивающего ушами Шустрика – бравого мула гнома Фундинула. Сам Фундинул стоял у ворот и лупил по ним изо всех сил.

– Кто там еще? – спросила мужа Генриетта.

– Гости, – со вздохом ответил он и, накинув плащ, пошел открывать.

Отперев ворота, Каспар сделал радостную мину и воскликнул:

– Фундинул, какими судьбами? Как ты тут оказался?

– Я по письму приехал! – не менее радостно ответил гном, втаскивая во двор Шустрика.

– По какому письму?

– А вот. – Гном протянул засаленный клочок бумаги.

Каспар развернул его и прочел: «Дорогой братец Фундинул пишу тебе чтобы сообщит что его милость Каспар Фрай...»

Все стало ясно, письмо было послано Углуком, он звал гнома поучаствовать в очередном деле «его милости», которое обещало быть бескровным – все заработают много денег и не прольют ни капли крови. Разумеется, гном не мог пропустить такой поход.

Удивляла Каспара только одно: Углюк с Фундинулом уживались плохо, дня не проходило, чтобы они не устроили пару скандалов, а тут орк сам вызывал гнома в поход. С тем, что Углюк сделал это самовольно, Каспар уже смирился, ведь орк был уверен, что помогает его милости. Каспар действительно собирался связаться с Фундинулом и Аркуэноном да еще попросить его светлость отпустить с ним Бертрана фон Марингера, однако прежде он намеревался закончить подготовку к необычной экспедиции, чтобы его не отвлекали бойцы, томящиеся без дела в «Коте и Ботинке».

– Ну, все правильно? – спросил гном.

– Правильно, – согласился Каспар.

– И вы действительно собираетесь торговать в Харнлоне?

– Собираюсь.

– Значит, я верно сделал, что приехал, этот зеленый монстр ничего не напутал?

– Не напутал, Фундинул, только письма эти должен был рассылать я, а не Углюк.

– Ничего страшного, ваша милость, впервые это чудовище сделало что-то правильно – не стоит его за это упрекать.

– Согласен. Постой, а на кого ты оставил мастерскую в Коттоне?

– На двух подмастерьев – один гном, другой – человек. Парень справляется со всеми заданиями, умеет тонко чеканить серебро, глядя на него, я начинаю менять свое мнение об этих варварах.

Каспар молчал.

Тут до Фундинула дошло, что он разговаривает с человеком.

– Извините, ваша милость. Ну так мы едем в Харнлон?

– Едем, но не так скоро.

– Жаль. – Гном вздохнул.

– А ты надеялся по-быстрому добыть золота? – пряча усмешку, спросил Каспар.

– Вот именно. Мастерскую я открыл, однако она не та, что была прежде – станки, что я покупал в королевстве, были испорчены безвозвратно, вот я и подумал: заработаю дукатов да прямо в Харнлоне их и потрачу, возможно, даже дешевле получится. Как вы думаете, ваша милость?

- Уверен, что дешевле, но чтобы получить дукаты, нам придется поработать.
- Я всегда рад поработать, ваша милость, это только орку лишь бы подраться.
- Ну хорошо, до отправления поживешь в гостинице.
- «Кот и Ботинок»?
- Конечно.
- Тогда я сначала пристрою Шустрика к лошадинику господину Табрицию, и сразу к вам.
- А зачем ко мне?
- Ну как же, разве вы не пригласите меня на обед, ваша милость? – На лице гнома читалось удивление.
- Конечно, приглашу, только сейчас время завтрака, да и нехорошо тебе одному придти, забыв Углука.
- Где же я его найду?
- Пройдешь через Рыночную площадь, потом выйдешь на Угольную улицу, а там тебе любой подскажет, – других орков в городе нет.
- Хорошо, тогда я его найду.
- Только сделай еще одно доброе дело.
- Какое же?
- Своди орка в баню, как в прошлый раз вы ходили, помнишь?
- Конечно, помню, ваша милость, я помню о всех походах в баню, такое не забывается.
- Вот и отлично, а потом милости просим ко мне на обед.

12

Гном ушел, а Каспар поднялся в дом.

– Кто там был? – спросила Генриетта.

– Сегодня в обед у нас будут гости.

– Кто такие?

– Гном и твой любимец – орк-обжора.

– Вот как! Значит, нужно побольше наготовить!

– Да, можешь прямо сейчас и начинать.

Генриетта считала стряпню своим призванием и очень огорчалась, что муж кушает не так много, как бы ей хотелось.

Отдав распоряжения об обеде, Каспар решил не терять времени даром. Он спустился в арсенальный чулан, где хранил доспехи, мечи, арбалеты, коллекцию стрел из разных земель и Трехглавого дракона – удивительное оружие, которое сконструировал по его просьбе гном-оружейник Боло.

Трехглавый дракон представлял собой скрепленные вместе три медные трубки, заряжавшиеся стальными дротиками. Стоило нажать пальцем спусковую скобу – и дротики выталкивались из трубок тугими пружинами. Каспар не раз применял это оружие в решающие моменты.

Положив в сумку деревянный ящичек, в котором хранилось это оружие, Каспар сказал:

– Я пойду на Оружейную улицу, к Боло. К обеду вернусь.

– Иди! – ответила Генриетта, грохоча на кухне медными кастрюлями.

На улице Каспар столкнулся со старшиной городских стражников Виршмундом.

– Здравствуйте, сосед! – поздоровался тот.

– Здравствуйте, старшина.

– Ой, чую, недолго мне занимать эту должность, – проскрипел Виршмунд с деланой грустью.

– На пенсию уходите?

– Нет, господин Фрай, полагаю, против меня интриги плетутся – герцогу наговаривают, будто я стражников распустил, будто пьянствуют они у меня. А вы, я слышал, решили покинуть герцогство?

Быстрая смена темы не удивила Каспара, он знал, что Виршмунд любопытен, как базарная торговка.

– Нет, мой дом и семья остаются в Ливене.

– Но вы ведь собрались заняться торговлей?

– Была такая мысль, но уж очень это непривычно для меня, нужно еще раз все хорошенько взвесить.

– Ага, – кивнул Виршмунд, делая свои выводы. – Ну, не буду вас задерживать, всего хорошего.

И они разошлись.

Решив не толкаться на Рыночной площади, Каспар проулком вышел на Ткацкую улицу и поразился царившему на ней оживлению. У домов стояли телеги, а из подвалов выносили и складывали на них пропахшие едким тимьяном – от прожорливой моли – тюки с шерстяными одеялами, одеждой и валяными вещами. Не один год ткачи и валяльщики откладывали излишки товара и вот наконец дождались спроса. Пользуясь тем, что снег не таял, а с каждым днем его все прибавлялось, они вывозили вещи за город, чтобы, поваляв их в чистом снегу, придать шерсти мягкость.

– Здравствуйте, ваша милость! – поздоровался какой-то пожилой ткач.

– Здравствуй, – ответил Каспар, пытаясь вспомнить, кто это. И лишь когда дошел до Оружейной улицы, в его памяти всплыл случай, когда в лавку этого бедняги вломились грабители. Каспару даже не пришлось вынимать меч, увидев, кто перед ними, злодеи тут же разбежались. О нем ходили страшные легенды, будто, когда он дрался, у него отрастали еще две руки и на одну стрелу он мог нанизать троих. Разумеется, это было преувеличение, но в прежние времена Каспару с городскими подонками приходилось сталкиваться довольно часто.

13

На Оружейной улице было необычно тихо. Прежде здесь допоздна стучали молотки и жужжали точила, но, видимо, с приходом зимы уменьшилось и количество заказов.

Стоило Каспару открыть двери в мастерскую Боло, как он услышал привычный шум работы.

На скрип двери в просторную прихожую выглянул Боло.

– Каспар Фрай, сожри меня огры! Как же давно мы не виделись, наверное, целый год! Как жаль, что ты редко у нас бываешь.

«Конечно, – подумал Каспар. – Мое золото вы любите».

– Здравствуй, Боло. – Он пожал маленькую ручку. – Давно не был, потому что мирными делами занимался.

– А теперь что, снова война? – встревожился гном.

– Нет, просто собрался в дальнюю дорогу и решил перебраться Трехглавого дракона. – Каспар стал вынимать из сумки шкатулку.

– Ах, вон оно что. Как работает, не ломался?

– Не ломался, я его иногда смазываю.

– Это правильно, за такой сложной машиной нужно следить, это тебе не меч. Да, кстати, ты ведь хотел приделать к нему рукоять – помнишь, мы с тобой говорили?

– Да, хотя я привык носить его на шнуре.

– Забудь про шнур, я придумал, как приспособить к нему арбалетную рукоять и какую сшить сумку.

– Сумку? Из сумки его неудобно будет доставать.

– Это будет что-то вроде ножен, ты все поймешь, когда ее увидишь.

– Хорошо, делай как считаешь нужным. Когда за ним зайти?

– Надеюсь, он нужен тебе не к завтрашнему утру?

– Нет, у тебя есть неделя.

– Приходи через четыре дня – все будет сделано.

– Хорошо, Боло, буду через четыре дня.

Проводив Фрая, Боло спустился в подвальный этаж, где находилась его мастерская.

– Кто это был, отец? – спросил мастера сын.

– Его милость Каспар Фрай.

– Принес большой заказ?

– Заказ не очень большой, но я сейчас думаю над тем, как сделать его большим, да так, чтобы господин Фрай с радостью согласился его оплатить.

14

Когда Каспар вернулся домой, из кухни по всему дому распространялись удивительные запахи. Он даже подумал, не перекусить ли ему до прихода гостей, но, словно услышав его мысли, Генриетта сказала:

– Ты без гостей за стол не садись.

– Как скажешь, дорогая.

Громыхая деревянными конем, в гостиную выбрался Хуберт. Он уже отобедал и размахивал леденцовым петушком на палочке. Нянька шла следом, кутаясь в шаль, хотя в доме было тепло.

Каспар пригрелся возле печи и задремал, а очнулся, когда услышал гулкие удары в ворота.

«Это Углук, – догадался он. – Должно быть, проголодался и уже не может ждать».

Спустившись во двор и открыв ворота, Каспар не смог сдержать улыбки – друзья-противники стояли рядом, высоченный Углук и низенький, но широкий, похожий на укороченный шкаф Фундинул. Оба сияли чистотой, и даже на расстоянии от них пахло распаренной вербой, из которой делали грубые мочалки.

– Только что из бани! – с гордостью объявил Углук.

– Да ты никак в обновке? – заметил Каспар.

Под традиционной кожаной жилеткой орка была пододея льняная рубаха.

– Просто неприлично с голым пузом перед имдресс Фрай показываться.

– Он эту рубаху в лавке за так забрал, – тут же наобедничал гном.

– А вот и нет! Все ты врешь, гном, вы ему не верьте, ваша милость, лавочник сам решил взять товар, какой приглянется, а он за это мною воров страшать будет, дескать, если обидят его, я приду, найду и покалечу.

– Ну, значит, все по-честному. Проходите.

Орк вошел во двор налегке, у гнома была котомка и топор в чехле, с ним Фундинул не расставался ни при каких обстоятельствах.

– Зачем вы его за мной послали, ваш милость? – спросил Углук, едва они оказались в доме. – Он к каждому прохожему приставал с вопросом: где здесь прячется беглый орк? Столько народу перепугал, скандалист, одно слово.

– Потом я назвал твое имя, и мне сразу указали этот хлев.

– А что, ты сразу не мог имя назвать?

– Откуда я знал, под каким именем ты тут обитаешь? Вот и начал с простого – где живет беглый орк. Рожу-то твою всякий запомнит, а скажи – Углук, сразу и не разберешься. Мало ли на свете Углуков.

– Я в Ливене единственный Углук! – начал закипать орк. – И в моей деревне тоже не было больше ни одного Углука!

– Ладно, успокойся, – вмешался Каспар. – Проходите на кухню, думаю, обед уже готов.

– Подождите с обедом, ваша милость, – вмешался гном скорее для того, чтобы позлить Углука. – Хотелось бы взглянуть на вашего сынишку, он же совсем крохотный был, а теперь небось подрос.

– Конечно, подрос! – ухватился за эту тему орк. – Небось побольше тебя вырос, недомерка бородатого!

– Ничего, что подрос, главное – чтобы не вымахал в огромного пожирателя свинины, а то родителям такого не прокормить!

– Проходите в детскую, гости дорогие! – прервал обоих Каспар, подталкивая их вперед.

– А где тут маленький мальчик? – просюсюкал Фундинул и вошел в детскую, таща с собой топор и котомку.

Перебравшая пеленки тетка Каролина так и села.

– Мамочка моя, да что же это такое!

– Хуберт, парень, привет! – сказал появившийся следом орк. Каролина икнула и закрыла глаза.

– Не обращайтесь внимания, тетя, – попытался успокоить ее Каспар. – Это наши гости, господин Углук и господин Фундинул.

В отличие от няньки, Хуберт гостей не испугался. Отшвырнув деревянные шарики, он самостоятельно поднялся на ножки и потопал навстречу гостям.

– Шустрый мальчонка, ваша милость! – восхитился Углук.

– А вот чего мы ему сейчас подарим! – сказал гном, доставая серебряный медальончик в виде рыбки.

– Ой, больно ему нужны эти твои подарки, – проворчал орк. Он явился без гостинца и теперь чувствовал себя уязвленным. – Он мальчик, ему нужно дарить лук и стрелы! Или кинжал!

– Вот ты и дари кинжал, а я подарю рыбку, ведь серебро – это, знаешь ли, капитал. Если каждый год я буду дарить ему по серебряной рыбке, то к восемнадцати годам у него скопится серебра на пятнадцать рилли, а это – половина золотого дуката.

– Ну и что?

– А то! Много ты видел восемнадцатилетних юнцов, юторых есть половина дуката?

– Ну ладно, – вмешался Каспар, заглушая еще один чуть не разгоревшийся скандал, – посмотрели на Хуберта, теперь милости просим отобедать.

– О, самое время! – поддержал его орк.

15

Проводив гостей на кухню, Каспар с облегчением вздохнул: почуяв запах еды, гном и орк на время забыли о разногласиях.

– Добрый день, имдресс Фрай! – воскликнул Углюк. – Рад вас видеть, и до чего же хорошо у вас тут пахнет!

– Примите и мои поздравления, госпожа Фрай, – сказал гном. – У вас растет замечательный мальчик.

– Благодарю вас, господа, присаживайтесь, – поклонилась Генриетта и усадила гостей друг против друга, чтобы они не толкались локтями.

Обеденный стол был сплошь заставлен яствами, другие дожидались своего часа в кастрюлях на огромной плите. Как и в прошлый раз, была подана похлебка с кусочками поджаренной свинины, говяжий слоп в зеленом соусе, оладушки картофельные, поджаренные до янтарной прозрачности, тушенный в молоке двухлетний карп, яйца, фаршированные зеленью и грибами, пирожки с куриной печенкой и белым мясом.

– Ты не перестаешь меня удивлять, дорогая, – сказал Каспар, поглядев на это изобилие.

– А пудинг, как в прошлый раз! – заметил Углюк, пододвигая к себе огромное блюдо. – Я уже говорил, что такой пудинг готовила моя бабушка?

– Говорил, – подтвердил Каспар.

– Все уши прожужжал про свою бабушку, – бурчал гном, начиная по традиции с бобовой похлебки.

При виде уминающих за обе щеки гостей Каспар тоже принялся за еду, однако вскоре безнадежно отстал даже от гнома. Фундинул попытался соревноваться с орком и съел довольно много, однако затем сдался и, тяжело отдуваясь, откинулся на спинку стула.

Углюк же, не сбавляя темпа, подчищал блюдо за блюдом, прося добавки и успокаиваясь, лишь когда хозяйка показывала ему пустую кастрюлю.

Наконец и он капитулировал, недобив всего пару десятков пирожков.

– Имдресс Фрай, вы превзошли саму себя! Я наелся, когда на столе еще что-то осталось! Такого со мной еще никогда не случалось!

– Приятно слышать такое от своих гостей, – сказала Генриетта. – А сейчас попробуйте наше пшеничное пиво, с медом и мятой.

– Пиво у вас тоже хорошее, я помню, – вставил гном, которому показалось несправедливым, что все комплименты хозяйке говорит один орк.

После обеда Каспар отправился проводить гостей: Углука – до дома, а Фундинула до гостиницы. Поскольку оба были сыты, перепалка между ними шла как-то вяло, без особой охоты.

– Я вообще не понимаю, ваша милость, зачем вы орка с собой в Харнлон берете. Он ведь только в драке хорош, а в тонкой работе, где нужен подход к клиенту и доброта, ничего не смыслит, ему бы только мечом махать или дубиной.

– Я-то без дубины иду, а вот ты, добрый гном, притащил с собой топор.

– Ха! Топор у меня всегда с собой, и вовсе не для боя, а просто так. Он мне, если хочешь знать, удачу приносит. Топор – это мой талисман. Вот у его милости тоже талисман имеется, правда ведь?

– Правда, Фундинул, – подтвердил Каспар. – Но я его сейчас не ношу и надеваю только в опасных походах.

– А в Харнлон наденете?

– Ну... в дорогу, наверное, надену, на дорогах сейчас опасно, особенно на торговых путях.

Мимо, держась друг за друга, прошли двое городских пьяниц, они пытались затянуть песню, но каждый свою, и потому у них ничего не выходило.

– А вот гномы не пьют, – с назидательными интонациями заметил Фундинул.

– А кто пьет, я, что ли, пью? Вот поесть – это да, ем я много, но пьяным меня никто не видел.

– Вот именно, что не видел, – пробурчал гном.

За разговором они пришли к Рыночной площади, орк попрощался и пошел к себе, а Фундинул и Каспар направились в гостиницу.

– Тебе чего здесь надо, грязнуля бородатый? – строго спросил служитель, поднимаясь из-за стола, однако, заметив Каспара, расплылся в заискивающей улыбке.

– Вы вместе, ваша милость?

– Да, это мой друг, ему нужен номер на одного жильца.

– А почему на одного? – спросил гном. – Где будут жить остальные?

– Больше никого в городе нет. Углук живет у себя, Бертран в фамильном замке или у герцога, Аркуэнон на лесном хуторе...

– А мессир Маноло?

– Мессир уехал в дальние края, – сказал Каспар, который и сам ничего не понял из разъяснений герцога, куда подевался мессир Маноло.

– Жаль, если нас ранят, некому будет вылечить.

– Нас не ранят, мы ведь не в бой пойдем.

– Так вы будете брать комнату? – напомнил о себе служитель.

– Будем.

– Рилли в сутки.

– Это много, – возразил Каспар.

– Тогда – полрилли.

– Хорошо, годится.

16

Устроив Фундинула в гостинице и наказав ему без причин не высовываться на улицу, Каспар отправился домой и по дороге встретил знакомого владельца кабака «Ваза».

– Здравствуйте, ваша милость, – поздоровался тот. – Давненько вас не было в нашем заведении.

– Да, не было, – согласился Каспар.

– Раньше заходили чаще.

– Да, раньше заходил чаще, но теперь я семейный человек.

– Наверное, вам жена готовит?

– О да, уж готовит так готовит. Кстати, Гейне, ты не можешь мне подсказать, сколько нужно сил и времени, чтобы приготовить обед?

– Это зависит от того, какой обед, из скольких блюд.

– Ну, – Каспар начал вспоминать и загибать пальцы, – бобовая похлебка была со свиной...

– С поджаренной?

– Да.

– Горячее?

– Большой кусок говядины в соусе.

– Может быть, слоп?

– Точно, слоп это называется! Дальше, были картофельные оладьи, пирожки...

– Пирожки с чем?

– С печенкой и еще с курицей.

– Так.

– Рыба была – карп.

– Жареный, тушеный?

– Тушеный в молоке. Что еще? Яйца были фаршированные.

– Чем фаршированные?

– Зеленью и грибами. А почему ты так подробно спрашиваешь?

– Видите ли, ваша милость, каждая дополнительная мелочь отбирает у повара время и труд, здесь все важно.

– Понятно. Еще был пудинг, а пиво не считается – оно в подвале стоит.

– А сколько было еды, на сколько персон обед?

– На сколько персон? – Каспар начал высчитывать. Углука можно было посчитать за четверых, гнома – за одного, да еще сам Каспар, получалось шесть персон. – Можно считать как для шестерых гостей.

– О, довольно много!

– Так сколько же нужно времени?

– Ну, если повар хороший да четыре помощника, часов за восемь можно управиться.

– Пятеро за восемь часов?! – поразился Каспар.

– А что вы хотите, ваша милость, блюда сложные.

– Вот так дела... Ну спасибо, Гейне, ты очень мне помог.

– И вам всего хорошего, ваша милость, – ответил кабатчик и пошел прочь, недоумевая, отчего этот везунчик-проньера задавал вопросы про стряпню.

Каспар возвращался домой погруженный в мысли. Впервые ему пришло в голову провести подобное расследование, раньше все кулинарные подвиги жены он принимал как само собой разумеющееся, полагая, что это по силам любой работающей женщине.

Оказавшись дома, он чувствовал себя несколько смущенным, не зная, с чего начать разговор.

– Дорогая, я хотел бы с тобой поговорить.

Генриетта, не сидевшая без дела ни минуты, перестала вытирать пыль и недоуменно уставилась на мужа.

– О чем, дорогой? – Она подошла и присела рядом. – Что-нибудь про твой новый поход?

– Нет, я хотел поговорить о сегодняшнем обеде.

– Об обеде? Милый, ты хорошо себя чувствуешь? Что-нибудь с животом? – В голосе Генриетты послышалась тревога.

– Я здоров, и обед мне очень понравился, но вот что меня удивляет. Я сообщил тебе о том, что у нас будут гости, в половине девятого, а к часу дня ты уже наготовила угощений, да еще в таком количестве.

– А что не так, дорогой? Ты меня пугаешь этими расспросами.

– Понимаешь, – Каспар чувствовал себя полным идиотом, устраивая допрос любимой супруге, – мне показалось очень странным, что работу, которую могут сделать лишь пятеро мужчин, да еще за восемь часов, ты сделала одна вдвое быстрее.

– А откуда ты знаешь, что нужно пятеро мужчин?

– Я спрашивал у владельца кабака «Ваза», у Гейне. Он попросил перечислить, какие нужно приготовить блюда и в каком количестве, я как мог перечислил, а он сказал – пять человек за восемь часов.

– И что ты хочешь узнать?

– Я хочу узнать, как ты это делаешь.

– Руками, дорогой, это ведь дело привычки. Я и раньше умела быстро работать, когда еще была твоей служанкой.

– Да, я помню, ты всегда справлялась и поддерживала дом в идеальном состоянии, но скажи, не пользуешься ли ты...

– Колдовством?

– Да! – выдохнул Каспар, довольный, что Генриетта помогла ему задать этот вопрос.

– Я не знаю, как это назвать, меня этому мама научила.

– Чему научила?

– «Золотые ручки» называется.

– Что такое «золотые ручки»?

– Ну, когда я начинаю что-то делать по дому, я призываю на помощь «золотые ручки».

– Заклинанием?

– Я не знаю, что такое заклинание, просто произношу слова и прошу «золотые ручки» помочь мне.

– И как же это выглядят? Они что, из стены растут?

– Нет, ну что ты, – я бы испугалась. Просто стоит мне почистить одну картофелину, как почищенными оказываются четыре.

– Вон как!

– Да, леплю пирожок, а получается – пять, говядину варю всего четверть часа, а проваривается как за полтора.

– Вот это да, мне бы так научиться – рубишь одного врага, а валятся пятеро.

– Нет, это было бы страшным колдовством, – запротестовала Генриетта. – Про тебя и так говорят всякое...

– Правда? И что же говорят?

– Что ты заговоренный от стрел и от меча, что чужими жизнями от смерти откупаешься.

– И ты веришь?

Генриетта только пожала плечами:

– Ты мой муж и отец моего ребенка, для меня главное, чтобы ты возвращался целым, а как ты это делаешь – не важно.

Такого ответа Каспар не ожидал, он думал, что Генриетта вместе с ним посмеется над глупыми выдумками завистников.

– Дорогая, но это же бред! – Каспар взял жену за руку. – Эти глупости выдумывают мои враги. Да, я ввязывался в самые опасные кампании, да, я терял много людей, но никого из них я не подставлял под стрелы, – мы были в одном строю. Просто мне везло чуть больше, чем им.

– Это и есть заговоренность.

– Но не все погибали в моих походах, дорогая, были и те, кто возвращался.

– Люди говорят, они все умерли.

– Что значит «умерли»?

– Все, кто вместе с тобой вернулись, – умерли. Кто-то спился, кто-то под телегу попал, других утащили озерные люди.

Каспар хотел возразить, что и это все выдумки, но, посмотрев Генриетте в глаза, понял, что она говорит правду. Он медленно выпустил ее руку, отошел к витражному окну и стал смотреть на улицу.

– Почему ты не говорила мне, что твоя мать учила тебя колдовству?

– Не колдовству, – прямо возразила Генриетта.

– Ну хорошо – не колдовству, а некоторым приемам.

– Мне и в голову не приходило, что я должна тебе что-то рассказывать. Но водный знак я тебе показывала – помнишь?

– Помню.

– И ты не задавал мне никаких вопросов.

– Тогда я не придавал этому значения, я думал – ерунда какая-то...

– А позже? – Генриетта заметила, как изменилось лицо мужа. – Ты применял его?

– Применял, в прошлом походе.

– Помогло?

Каспар вспомнил, как посланцы огненной стихии распылили в тонкий пепел всех врагов, а затем бросились на его отряд, он помнил нестерпимый жар, визг обезумевших лошадей и запах горящей плоти. А еще ощущение нереальности происходящего, когда он словно не своей рукой вычерчивал в воздухе магические руны водного знака.

– Помогло, правда, мессира Маноло это очень напугало, он сказал, что по своему невежеству я мог погубить наш мир.

– Ну вот еще! – отмахнулась Генриетта. – Не думаешь же ты, что моя мама показала бы мне, как погубить мир, вот это действительно глупость. Водный знак нужен, чтобы погасить огонь, если у тебя загорелся амбар, – вот и все. Может, ты неправильно его сделал?

– Я уже не помню. А что еще помогают делать «золотые ручки»?

– Да все что угодно, стирать пеленки, гладить белье – любую домашнюю работу.

– А твоя тетка тоже знает эти способы?

– Конечно, мы же из одного рода.

– То-то я заметил, что чистые пеленки для Хуберта как будто сами собой и стираются, и сохнут, а ведь так не должно быть.

– Силен ты задним умом, – усмехнулась Генриетта.

– А что ты еще умеешь? – не унимался Каспар.

– Да ничего особенного, знаю, как кровь остановить, как рану закрыть, знаю о травах, а еще знаю, когда тебе плохо приходится – мне тогда становится очень страшно.

17

На другой день Каспар снова отправился к оружейникам, на этот раз к людям, которые занимались изготовлением кирас и стальных лат. Каспар попросил сделать такие доспехи, чтобы они были незаметны под просторной одеждой негоцианта.

У другого мастера он заказал стрелы для своего раскладного лука – для него годились только укороченные, с мягкими медными наконечниками, а еще пришлось заказать сотню полуфунтовых болтов для арбалетов.

Поскольку переход с небольшим обозом до Харнлона должен был занять не менее шести дней, следовало побеспокоиться и о продовольственных запасах, а чтобы ехать с удобствами, надо было прихватить с собой большой котел и жаровню.

По истечении четырех дней, которые Каспар использовал для подготовки к отъезду, он отправился к гному Боло, чтобы забрать Трехглавого дракона.

На этот раз на Оружейной улице стоял привычный шум, наступила оттепель, и через распахнутые окна разносился стук молотков и визг точильного камня – заказы снова потекли к оружейникам. В воздухе пахло железной окалиной – кузни работали в полную силу.

В большой прихожей, которая была одновременно приемной и демонстрационным залом мастерской, сидел сын Боло и, по обыкновению, играл сам с собой в шашки.

– Здравствуй, ваша милость! – сказал он, вскакивая. – Сейчас я позову отца!

Каспар понял, что сын Боло караулил клиента, чтобы встретить его подобающим образом.

«Значит, цену заломят», – подумал он с усмешкой. За время общения с гномами Каспар научился разбираться в их повадках.

В подвальной части дома, где находилась мастерская, воцарилась тишина, нарушаемая торопливым перешептыванием.

Вскоре появился Боло. Он нес странный чехол, застегнутым внахлест пришитой крышечкой, из-под которой торчала рукоять арбалета.

– Добрый день, ваша милость, – улыбнулся гном.

– Здравствуй, Боло, где мой заказ?

– А это он и есть, – сказал мастер, похлопывая ладошкой по чехлу.

– Что значит «он и есть»? Это, по-твоему, Трехглавый дракон? И потом, он всегда лежал в коробке...

– Теперь коробка не понадобится.

– Почему же?

– Потому что удобнее его носить на поясе вот в этом кобуре.

– Как ты сказал?

– В кобуре. Так наши предки называли короткие сумки для лопаток и железных клиньев, которые они носили на поясе.

Каспар молча рассматривал новшество, которое пока не казалось ему удачным.

– Вот, смотрите.

Боло прицепил чехол себе на пояс и с бравым видом расставил ноги. Выглядело это комично, поскольку чехол едва не доставал до пола.

– Не обращайте внимания на мой вид, на вас это будет смотреться лучше, а теперь самое главное, ваша милость. Смотрите.

Гром расстегнул ремешок и откинул крышку – под ней оказались дротики, которые были ловко пристроены в специальные петельки. Ряды петелек располагались один под другим, всего в них помещалось двадцать дротиков.

– Не правда ли, удобно?

- Удобно, – согласился Каспар. – Не нужно каждый раз в коробку лазить.
- Вот именно, – улыбнулся гном. – А теперь самое главное.

Он потянул за рукоять и вытащил из кобура неведомое оружие – Каспар не узнал своего Трехглавого дракона, потому что трубок теперь было не три, а пять.

- Что это за уродство, Боло? Что ты наделал, разве я об этом тебя просил?

– Не спешите с выводами, ваша милость. – Гном был уверен, что выиграет эту партию. – Как вы заметили, трубок здесь пять и они на треть длиннее. Сделано это для того, чтобы поместить в них более мощные пружины, которые пошлют дротики дальше и, что немаловажно, значительно точнее. Теперь не нужно заводить ключом каждую пружину, к тому же сам ключ располагается под рукой – в ложе.

Боло ловко извлек заводную рукоятку, которая выглядела значительно крепче и длиннее прежней.

- Вставлять его нужно справа, вот так, а затем сделать пять оборотов.

Гном начал с усилием вращать рукоятку, отчего механизм заводки мягко застрекотал. Заведя пружины, он быстро заложил в трубки дротики, опустил оружие вниз и потряс им, демонстрируя, что дротики из трубок не выпадают.

– А теперь – стрельба. Спусковая скоба, как видите, осталась прежней, она почти не отличается от арбалетной. Теперь прицеливаемся. – Гном навел оружие на заранее приготовленные дубовые доски в дюйм толщиной, зажатые в специальном устройстве одна позади другой.

Боло начал стрелять. Дротики по очереди вылетали из трубок и с жутким грохотом и треском проламывали две первые доски, застревая только в третьей. Когда был сделан последний выстрел, воцарилась тишина.

Гном молча смотрел на Каспара, ожидая его реакции, а тот тоже молчал, пораженный произведенным эффектом.

- Что же это такое, Боло? – наконец спросил Каспар.

- Это новое оружие, ваша милость.

- На сколько же оно теперь бьет?

– Думаю, двадцать пять шагов для него не предел, с пяти шагов дротик пробивает одинарную кольчугу...

Видя, что клиент находится в наилучшем состоянии, чтобы заговорить о цене, Боло добавил:

- И все это великолепие стоит всего лишь триста пятьдесят дукатов.

- Я и торговаться не буду! – криво усмехнулся Каспар.

Довольный гном стал снимать с себя пояс с оружием.

- Только как же его теперь называть? Это ведь уже не Трехглавый дракон.

- Правильно, будем называть его Железный дождь, сын Трехглавого дракона.

- Длинновато получается.

- Тогда просто – Железный дождь.

Гном взял заранее приготовленные клещи и, выдернув из доски дротики, вернул их на место – в кожаные петли. Закрыв кобур и отдал его Каспару.

– Дай мне бумагу и перо, я напишу тебе распоряжение для банка Генрика Буклиса, – сказал тот.

18

Шло время. Дюран, раненный мессиром Маноло при нападении на отряд Каспара Фрая, все чаще стал задерживаться в мире людей. Ему все реже требовалось опускаться в нижние миры, чтобы перевести дух, а о том злосчастном проигрыше он предпочитал не вспоминать. Кто же знал, что у этого Маноло в рукаве такие козыри! Демона Осборна, которого Дюран натравил на казавшихся беззащитными людишек, ответным ударом лесного колдуна чуть ли не разорвало пополам, и он, проваливаясь сквозь землю, посылал проклятия на голову Дюрана. Теперь бедняга опустился еще на одну ступень, став ближе к полному забвению, и вытащить его обратно нелегко. Да и вряд ли он согласится сотрудничать после такого приема, хотя наверняка страшно мучается от голода, а ведь ради поживы демоны готовы на все.

Постепенно к Дюрану возвращались человеческие и магические силы, он уже мог размышлять на отвлеченные темы, а вечерами прогуливаться по городским улицам, не опасаясь, что его обессиленная оболочка будет принята за привидение.

Коллеги Дюрана, маги Хрустального ордена, помогать ему не стали. Слишком часто он пренебрегал интересами ордена и ввязывался в головокружительные аферы. Оттого в свое время и потерял глаза, а вместе с ними и шанс на жизнь обычного смертного.

Потратив много сил на прозрение ближайшего будущего, Дюран почувствовал, что начинает таять, перетекая в нижний мир. Исчезли снега, покрытые белым покрывалом деревья, дома, из труб которых струился дым.

В нижнем мире времена года не менялись, не было дня и ночи – сплошные неизменные сумерки. Дюран не помнил, чтобы когда-то здесь было холодно или жарко – только ощущение мучительного голода, от которого Дюран порой так страдал, что, возвращаясь в мир людей, готов был проглотить и жабу. В такие минуты он понимал демонов, которых голод вынуждал прорываться в верхние миры. Обычно они дожидались ночи, чтобы подкараулить жертву и напиться теплой крови, хотя Дюрану случалось видеть и то, как демоны с дымящимися от солнечного света шкурами нападали на людей и скот среди бела дня. Существовали экзодоры и ряд других демонов, которые неплохо переносили дневной свет, одного из таких монстров Дюран успешно использовал при штурме замка Марингер.

Проникать в мир людей демоны могли только по приглашению – либо мага, либо злого человека, который выкрикивал по чьему-то адресу проклятия и тем самым приоткрывал дверцу в мир ужаса. Демоны нечистот появлялись среди зловония помоек и сточных канав, другие проникали в верхний мир на местах свершенных убийств. В общем, каждый из обитателей нижнего мира приспособливался по-своему.

Но и в нижних мирах следовало быть осторожным, поскольку там имелись свои хищники, приходившие на охоту из более темных миров. Они были настолько голодны, что им в пищу годились даже тени, которые они преследовали и с жадностью вдыхали.

Чтобы спрятаться от таких охотников понадежнее, Дюран выбирал в мертвых скалах расщелины, забирался в них и ждал, пока отпустит слабость. Главным было не вспоминать о голоде, стоило потерять бдительность – и голод усиливался, подавляя волю и становясь основной руководящей силой. Он рвал изнутри, толкая на безумные поступки.

Когда-то давно один безликий колдун взял молодого Дюрана в путешествие по самым нижним и холодным мирам, где показал демонов голода, одного взгляда на которых было достаточно, чтобы испытать смертельный ужас. Позже, принимая пищу, Дюран старался не думать о том, что кормит его точно таких же сидящих в нем демонов.

Дюран стоял в укрытии и смотрел на простиравшуюся перед ним долину. На первый взгляд она выглядела как долина верхнего мира в тот момент, когда начинается вечереть, однако

сходство это нарушало небо, низкое, матово-фиолетовое. Время от времени по нему проскальзывали тени – то ли призраки птиц, то ли стремительные демоны соблазна на своих легких крыльях. Иногда, тревожа воздух непомерной тяжестью, величественно проплывали калхи-нуды, выискивая в долине очередную жертву. Вдоль небольшой реки с прозрачной медленной водой рыскали демоны помельче.

Когда среди приглушенных звуков раздавался звонкий хлопок, Дюран знал – с самых нижних миров прибыл очередной хищник. Жуткие спазмы голода заставляли их без разбора нападать на все, что двигалось, и тогда начиналась битва с ревом, огненным дыханием, снопами искр и клубящейся в воздухе кровью демонов, зеленой, синей, так не похожей на кровь людей.

Победителей в таких схватках не было, ослабевшие гости из нижних миров проваливались к себе, а местных подранков разрывали те, кто ждал окончания битвы.

Дюран наблюдал десятки таких схваток и, чтобы самому не стать случайной жертвой, со временем научился становиться невидимым.

На этот раз схваток не было. Дюран отдохнул, почувствовал себя лучше и уже собирался вернуться в мир людей, когда неподалеку за клубился стущающийся воздух и возник туманный силуэт. Кто-то пытался проявиться здесь, но у него было мало сил, по-видимому, он прорывался из самых нижних миров.

Наконец начали проявляться черты лица – со всей очевидностью, это был человек.

Дюран присмотрелся.

– Кромб? – удивленно спросил он.

– Да-а-а-а... – прошелестело в ответ.

– Кромб, как же я рад, что ты наконец провалился сквозь земную твердь, я так часто желал тебе этого!

Дюран понимал, что своими словами укрепляет и поддерживает врага, однако не мог отказать себе в удовольствии произнести их.

– Кто это с тобой проделал, интересно знать?

– Элиас-с-с-с...

– Как ты сказал?

– Э-ли-ас...

Дюран с удовлетворением отметил, как тяжело дается Кромбу речь.

– Элиас? Кто он такой? Великий маг?

– Ученик Нетшальда-а-а...

– Ученик Нетшальда? А я полагал, что все его ученики умерли.

– Помоги-и-и мне-э-э...

– Помочь? – Дюран усмехнулся. – Да будь это в моих силах, я бы забросил тебя еще дальше, туда, где миры сходятся в точку.

– Я тебе заплачу-у-у...

– Чем?

– Сам знаешь чем...

Дюран знал. Много лет назад, погнавшись за артефактами, дающими возможность постичь древнюю магию огров, он попал в ловушку, расставленную Кромбом и духами из нижних миров. Не заметив подвоха, Дюран выполнил закрытый, то есть неизвестный, обряд и потерял глаза.

Магическая выучка, которую он имел к тому времени, помогла удержаться в мире живых и не скатиться в черную бездну, однако в этом мире он оставался полумертвым, с пустыми глазами и голым, словно обглоданным черепом. Люди, стоило им увидеть его без капюшона, лишались чувств. Однажды, чтобы помучить Дюрана, Кромб признался, что это он украл у него глаза. Украл и продал в одном из нижних миров, выторговав себе большую силу, которой

пользовался на земле. Духи холода и разложения нуждались в глазах мага, чтобы видеть то, что происходило в мире людей, и вовремя попадать туда, где появлялись трупы.

– Я верну тебе твои глаза...

– Как? – не поверил Дюран. – Тот, кто владеет ими теперь, ни за что с ними не расстанется.

– Это... мое дело... Ты согласен?

– Согласен.

– Я дам тебе знать, когда все будет готово... – из последних сил прохрипел Кромб и растаял.

19

Снова оказавшись в жутком измерении мрака и холода, Кромб с облегчением перевел дух. Только здесь ему было по силам держать форму, однако, задержись он с Дюраном еще немного, мог бы соскользнуть еще на одну ступень вниз. Каждый следующий мир все больше сужался, становился все более холодным и недоступным пониманию даже такого искусного мага, каким был Кромб. И пока у него сохранялась способность что-то понимать, надо было решить, как действовать. Опускаться было легко, а вот подниматься куда труднее, – раньше Кромб не задумывался о том, как это тяжело. Да, раньше он мог только разрушать, чтобы платить духам холода и разложения за свою необыкновенную силу, теперь же приходилось созидать.

Чтобы вернуться в верхний мир, Кромбу требовалась помощь другого сильного мага, такого, как Дюран, поэтому, обретаясь во тьме нижних миров, он по крупницам собирал сведения о местонахождении своего заклятого врага. Чтобы встретиться с ним, приходилось обманывать мелких демонов и безобидных духов, заставляя их приносить ценные крохи сведений.

Теперь подготовительная работа осталась позади, предстояло сделать самое сложное – забрать у духов холода и разложения то, что он сам продал им.

Торговаться Кромб не мог, ему нечего было предложить своим жутким покровителям. Оставалось одно – накопить силы и напасть, хотя неудача грозила провалом еще глубже в темную бездну небытия. Даже в лучшие времена Кромбу едва хватило бы сил, чтобы атаковать своих покровителей в лоб, а уж теперь он мог нанести действенный удар только в спину, да и то лишь ненадолго оглушить противника.

Требовался маневр, военная хитрость, и в этом Кромб преуспел. Когда созрел план действий, он отправился в одно из пустынных ущелий, где собирались трэвли – демоны праздности.

Трэвли жили группами и при первой возможности нападали на других демонов, однако и сами представляли интерес для местных хищников, в особенности для тех, что прорывались из нижних миров. Трэвлей спасала их живость, если они не были ранены, неповоротливые охотники нижних миров не могли за ними угнаться, а еще демоны праздности умели ненадолго обращаться в камни, деревья и других демонов.

Эту их способность и решил использовать Кромб. Стоя на краю ущелья, он смотрел, как по его дну бродят голодные трэвли, порывая друг на друга, царапая когтями бесплодную почву и нюхая воздух в надежде обнаружить какую-нибудь поживу.

– Эй! – крикнул Кромб и поднял руку.

Эха не было – в нижних мирах оно отсутствовало. Трэвли заметили Кромба и разом бросились к нему. Началась драка, каждый хотел присвоить добычу целиком. От злобы по их черным шкурам бегали синеватые искры, а красные рубиновые глаза меняли цвет на оранжевый. Самый большой трэвль быстро посшибал на землю своих противников, сопровождаемый их рычанием подбежал к отвесной известняковой стене и, вгоняя в нее когти, стал быстро карабкаться вверх, а Кромб стоял на краю и невозмутимо наблюдал за демоном.

Серный вулкан неподалеку вдруг проснулся и с грохотом выбросил в сумрачное небо желтое облако. Карабкающийся трэвль на мгновение замер, затем полез дальше.

Скоро его морда показалась на уровне ступней Кромба.

– Я полагаю, ты хочешь меня съесть? – произнес маг.

Демон замер, глухо рокоча и обдавая Кромба жгучим дыханием.

– Так вот, у меня есть для тебя кое-что получше.

– Что-о-о?! – проревел трэвль.

– Ты слышал про глаза мага Дюрана? Ты можешь получить их.

– Где-э-э? – Демон нетерпеливо встряхнул башкой и начал выбираться, царапая когтями камень.

– Мы пойдем к духам холода и разложения, я заберу у них глаза Дюрана и отдам тебе.

– Они не согласятся, – распрямляясь в полный рост, ответил трэвль. Он раздумывал, слушать ли Кромба дальше или сожрать прямо сейчас.

Маг понимал это, но отступить не собирался.

– Мне – отдадут.

– Духи раздавят тебя, букашка, – возразил трэвль и сделал шаг вперед.

– Я добуду для тебя глаза Дюрана, и тогда в этом мире ты станешь самым главным, тебе будут подчиняться не только трэвли, но и другие демоны, ведь каждому захочется узнать, что происходит в верхнем мире и когда следует пойти туда, чтобы собрать богатый урожай.

На синеватом лице Кромба появилась улыбка, он видел, что демон заглотнул наживку.

– Пойдем, и ты отдашь их мне.

– Подожди, все не так просто. Для того чтобы осуществился наш план, ты должен принять мое обличье. Сможешь?

– Конечно, я смогу-у... – кивнул демон и ударил себя лапой в грудь, по его черной шкуре запрыгали искры.

– Хорошо, тогда идем.

20

Владевшие глазами Дюрана духи обитали в огромном, высеченном в скале дворце, вход в который был украшен серыми, с потеками красноватой соли колоннами. С тех пор как обитатели дворца получили глаза мага, их власть укрепилась, а возможности стали такими, что они могли проникать в мир людей даже среди бела дня, чтобы забрать то, что им принадлежало, – трупы людей и животных.

У себя во дворце духи холода и разложения то и дело меняли форму, принимая обличье людей, демонов, деревьев, жужжали под потолком роями разозленных ос или скатывались по ступеням змеиными клубками. Даже Кромб, который давно общался с ними, не знал, какие они на самом деле.

Пока шли, началась сухая гроза, резкий порывистый ветер поднял облака желтоватой пыли, несколько раз сверкнула зеленоватая молния, и все разом прекратилось. Тяжело сопя, трэвль переваливался рядом с Кромбом. Миновав пустынное место, они прошли вдоль скал и скоро остановились у первой колонны.

– Почему мы остановились? – спросил демон, с подозрением поглядывая на Кромба.

– Я должен ненадолго отлучиться.

– Ты хочешь меня обмануть? – Трэвль притопнул.

– Зачем мне тебя обманывать, если я сам тебя сюда привел. Я должен ненадолго уйти и подготовить другую часть нашего плана, чтобы ты смог получить глаза мага. Понимаешь?

– Чтобы я смог получить глаза мага, – повторил трэвль.

– Молодец, правильно запомнил. Подожди меня здесь, я вернусь через четверть часа. Ты знаешь, что такое четверть часа?

– Знаю, я дважды был в верхнем мире, – с гордостью ответил демон.

Оставив трэвля, Кромб отправился через пустошь к берегу сухого океана, там в черной маслянистой воде прятались саквойеры – демоны безумия. Это были огромные монстры – в пять, а то и в шесть раз выше человека. Они рождались в нижних мирах, поэтому появлялись здесь страшно голодными. Случалось, что, не найдя ничего лучше, они пожирали сухие деревья и даже камни – им все годилось в пищу. Третью их огромного тела составляла голова с широкой пастью, утыканной загнутыми во все стороны зубами-крючьями.

Ветер беззвучно гнал к берегу черные волны, они накатывались на песок и отступали, оставляя его сухим. Едва Кромб появился на берегу, его почуял сидевший на глубине саквойер. Выпрыгнув из воды, он помчался к неосторожной добыче.

– Стой! – властно произнес Кромб, поднимая руку.

Словно наткнувшись на невидимую стену, саквойер, на мгновение остановившись, прокотал:

– Съем... – и стал надвигаться на Кромба.

– Нет, не съешь.

– Почему?

– Потому что я для тебя слишком мал. Не лучше ли тебе съесть крупного трэвля?

– Лучше. Крупного – лучше, – прокотал саквойер, песок под его ногами поскрипывал, словно свежий снежок.

– Тогда стой и жди меня здесь.

– А ты меня обманешь. – Саквойер гулко сглотнул и выпрямился во весь рост.

– Нет, я ведь сам пришел к тебе. – Чтобы посмотреть демону в глаза, Кромбу пришлось запрокинуть голову.

Саквойер вздохнул и потряс огромной башкой. Ему невыносимо хотелось сожрать эту болтливую козявку, однако он знал, что это ничуть не утолит его голод, только разожжет силь-

нее. Другое дело трэвль, очень питательный демон и для медлительных саквойеров практически недостижимая добыча.

– Стой на берегу, скоро я приведу сюда трэвля, а ты его съешь.

– Конечно!

– Но меня ты отпустишь. Если сожрешь меня, не получишь трэвля.

– Иди, не трону, трэвля хочу.

Кромб удовлетворенно кивнул. В отличие от людей, демоны не могли нарушить данного слова, у них для этого не было лишней силы.

Кромб повернулся и заспешил прочь.

Трэвля он нашел на прежнем месте, от нетерпения тот постукивал по земле лапами и, завидев Кромба, встряхнул головой:

– Не обманул...

– Разумеется, я же обещал вернуться. Теперь слушай. Сейчас мы поднимемся наверх, а на лестнице второго этажа ты полностью скопируешь мое обличье: походку, одежду – словом, все. Сможешь?

– Конечно!

– Потом в этом обличье ты войдешь в главный зал и, кого бы ты там ни увидел – человека, демона, птицу и кучу червей, обратись к ним и скажи: «Духи, немедленно верните мне глаза мага Дюрана».

– Я запомнил, – заверил демон.

– Хорошо, но чтобы с моими интонациями. И вообще, давай покажи, как ты будешь превращаться.

Трэвль набрал в себя побольше воздуха, мелко задрожал и начал сокращаться в размерах, треща костями и искрясь разноцветными огоньками. Черная кожа стала морщиться, ее складки превращались в одежду Кромба, повторяя ее во всех подробностях.

Наконец перед магом возник его двойник.

– Говори, – приказал Кромб.

– Духи, немедленно верните мне глаза мага Дюрана, – произнес тот, и Кромбу подумалось, что он и сам не сказал бы, кто из них подлинный.

– И что, они мне их сразу отдадут? – пророкотал демон.

– Нет, не сразу. Можешь возвращаться к своим формам, не нужно, чтобы ты уставал.

Демон встряхнулся, как мокрая собака, и вернулся к прежним размерам.

– Нет, сразу они не отдадут, попытаются напугать тебя, но тут вмешаюсь я и заберу глаза.

– И отдашь их мне?

– Да, на берегу океана.

– Почему там?

– Таков обряд передачи, это заведено не мною, у магических артефактов особые порядки.

– Понимаю.

– Ну пошли.

21

Во дворце было довольно сумрачно, однако стоило незванным гостям ступить под его своды, как по углам засветились запертые в клетках заблудшие тени из верхнего мира, они в отчаянии бились о прочные прутья, издавая легкий стрекот, будто крылья мотылька. Некоторые издавали тихие протяжные стоны, если бы кто-то прислушался, он был различил слово «спаси».

Кромб был в этом дворце не в первый раз, фокусы с освещавшими лестницы тенями его не занимали. Поставив на карту все ради вечной свободы, он закрылся от любых переживаний, не чувствовал даже прежнего ослепляющего голода. Сил было мало, поэтому успех напрямую зависел от безупречной концентрации.

Они ступили на второй лестничный пролет, когда под сводами дворца раздался рев – духи в очередной раз принимали новую форму, поглощенную ими в верхнем мире.

– Пора, – сказал Кромб.

Трэвль вздохнул и с треском превратился в двойника.

– Хорошо. Иди и произнеси эту фразу, если нужно, повтори несколько раз, необходимо, чтобы они попытались тебя напугать.

– Я понял, – ответил Кромбу его двойник и стал подниматься по лестнице, едва заметно припадая на правую ногу – точь-в-точь как оригинал.

Прячась за колоннами, маг последовал за ним.

Лестница закончилась, и двойник двинулся по галерее, освещаемой пойманными тенями. Они шелестели и стонали, разгораясь все ярче, но никто не обращал на них внимания.

Вот и огромный, словно арена, зал. Стараясь не выдать себя ни шорохом, ни вздохом, Кромб держался неподалеку от двойника. Когда тот остановился, маг припал к выщербленной колонне.

Под потолком полыхнули призраки неизвестных существ – пленников из неведомых миров. Запертые частоколом заклятий, они не могли вырваться и только сияли, тараща свои большие печальные глаза.

Посреди зала на массивном постаменте стоял трон, но на нем никого не было. Кромб опасался, что двойник растеряется, однако тот остановился в спокойном ожидании.

Послышался шорох, и из-за трона выскочили пять рослых волков. Их глаза были мутны, а на телах зияли раны – несколько часов назад эти животные погибли, сметенные в пропасть снежной лавиной.

– Ты зачем пришел? – спросил множась голос, непонятно чей – все волки раскрывали пасти синхронно.

– Духи, немедленно верните мне глаза мага Дюрана, – произнес трэвль-оборотень заученную фразу.

Волки, словно их дернули за хвосты, исчезли за постаментом, а вместо них вышла молодая утопленница, упавшая в колодец. Ее шея была свернута, поэтому голова оказалась почти на плече.

– Ты зачем сюда пришел? – повторила она тот же вопрос, все тем же хором голосов.

– Духи, немедленно верните мне глаза мага Дюрана, – четко повторил трэвль, копируя произношение мага. Это звучало несколько неестественно, духи могли что-то заподозрить, но Кромб надеялся на удачу.

Утопленница исчезла за постаментом, а вместо нее вылетел целый косяк зубастых рыб, ошпаренных обрушившимся в озеро гейзером. Они взмыли к самому потолку и, потрясая склеенными хвостами и пуча белые вареные глаза, бросились на двойника, распахнув зубастые

пасти. Демона Кромбу было не жалко, но после него они принялись бы за настоящего мага, поэтому, выступив из-за колонны, он резко выкрикнул:

– По кругу!

Масса атакующих рыб дрогнула и, тускло блеснув чешуей, стала сворачиваться в огромный шар, который вращался все быстрее.

Кромб перевел дух и бросился за постамент – к стене, где, как он знал, имелась ниша, а в ней на каменном столбе покоилась шкатулка с глазами Дюрана.

– И что теперь? – прорычал трэвль, возвращаясь к своему обличью.

– Подожди! – на бегу крикнул Кромб и спустя несколько мгновений выскочил обратно – с ларцом под мышкой.

– Это глаза мага? – спросил, шагнув к нему, демон.

– Назад, я сказал, отдам на берегу! – закричал Кромб, стараясь перекрыть рев ветра от вращавшегося с огромной скоростью косяка рыб.

Он выскочил в галерею. Дрожали стены, с необычайной яркостью вспыхивали плененные тени, а позади тяжело бухал лапами трэвль. Кромб спиной чувствовал его дыхание. Сбежав по ступенькам, он выскочил к колоннаде.

– Стой! – зарычал скакавший за ним по пятам демон.

– Я сказал, на берегу!

Кромб почувствовал, что демон теряет терпение и вот-вот бросится, пришлось потратить драгоценные силы, чтобы ускользнуть прямо из-под сомкнувшихся челюстей трэвля.

Взвыв от досады, демон понесся за удалявшимся Кромбом огромными скачками.

Вот и обрывистый берег.

– Они здесь! – крикнул Кромб, поднимая ларец.

– Дай! – заорал трэвль.

– Поди возьми!

И с этими словами маг швырнул ларец с обрыва, и трэвль не задумываясь прыгнул следом.

– Надеюсь, саквойер еще не ушел, – пробормотал маг, глядя вниз.

Саквойер действительно не ушел и, как только трэвль тяжело приземлился на песок, сомкнул на его хребтине свои чудовищные челюсти.

– Ну все, – произнес Кромб и, услышав раскаты грома, оглянулся – колонны дворца озарялись синим пламенем, духи вот-вот могли вырваться из вращавшегося шара.

– Пора. – Маг разжал кулак и посмотрел на лежащий на ладони мешочек из тончайшего шелка, в котором находились глаза молодого Дюрана.

– Дюран, я иду!

Кромб собрал все силы и, взмахнув широкими рукавами одежды, взмыл сквозь небо. Он прошел через несколько миров и оказался у той расщелины, где встречался с Дюраном.

Тот уже был на месте.

– Давай, – Дюран протянул руку.

– Возьми, – ответил Кромб, протягивая Дюрану пустую ладонь, пусть, мол, сначала заплатит необходимой Кромбу силой.

– Что ж, держи. – Дюран коснулся руки Кромба. Изголодавшийся маг вздрогнул и начал превращаться в изможденного старика, затем складки на безобразном лице исчезли, и он тряхнул молодой шевелюрой.

Маг разжал руку, и глаза Дюрана вернулись к хозяину.

Мгновение спустя оба стояли на продуваемом ветром пустыре.

– Смотри-ка, снег! – обрадовался Кромб и, присев, положил ладонь на пушистое покрытие. – Давно не было снега...

– Семь лет.

– Да.

Кромб поднялся и, оглядевшись, добавил:

– Ничего не изменилось, а я полагал, что без меня этот мир рухнет. – Он хрипло засмеялся.

– Он останется стоять и без тебя, и без многих других, Кромб. Наше самомнение иллюзорно.

– А ты почему не примеришь обновку? Я был уверен, что ты тотчас побежишь в квартал – к девкам... Проверять свое очарование.

– Может, еще и побегу, – пожал плечами Дюран. Ветер трепал его капюшон, из-под которого чернели пустые глазницы наполовину мертвого черепа. – Скажи лучше, что теперь будет между нами?

– А ты думаешь, что-то изменилось? Разве ты уступишь мне право владения артефактами герцога Ангулемского?

– Никогда!

– Тогда зачем спрашивать? Мы все те же враги, Дюран, просто сейчас у нас временное перемирие. Что с Фраем? Он все так же удачлив?

– Фрай готовится к новому походу.

– Вот как? – Кромб оживился. – И куда же?

– Он распространяет слухи, будто уходит от герцога, чтобы заняться торговлей.

– Это ложь, Фрай герцога не бросит.

– Я тоже так думаю.

– Но этот поход – хорошая возможность покончить с выскочкой, ведь по сути он правая рука герцога.

– Рука, вооруженная мечом, – добавил Дюран.

– Вот именно.

– Но чтобы отсечь ее, у тебя еще мало сил.

– Мало, – согласился Кромб. – Но у меня есть желание сделать это, что уже немало.

– А ты не боишься снова встретиться с тем, кто сбросил тебя в бездну?

– Нет, я не буду так наивен и самоуверен. Теперь я точно знаю, что Элиас – ученик Нетшальда и он – жив.

22

За три дня до намеченного срока в Ливен из замка Ангулем прибыл Бертран фон Марингер – теперешний бювард герцога.

Явившись к Каспару, он поначалу повел себя весьма высокомерно, немало удивив хозяина. Впрочем, это оказалось шуткой, Бертран засмеялся, едва заметил удивление на лице Каспара.

– Ты меня напугал! Я было подумал, что наш Бертран стал настоящим фон Марингером.

– Хвала небу, моя голова осталась на месте, – с усмешкой сказал Бертран, подавая Каспару увесистый кошель.

– Что это?

– Тысяча дукатов, его светлость передал эти деньги на подготовку – закупку лошадей, оружия, провианта и товара. Мы ведь, кажется, станем теперь негоциантами?

– Герцог действительно отпустил тебя, не боясь остаться без бюварда?

– Его светлость прекрасно справляется с войсками и сам, сказать по правде, мне еще многому придется у него учиться. Если бы покойный отец больше уделял времени моему образованию... Но свою должность он намеревался передать моему старшему брату – Симеону. Думаю, из него получился бы хороший бювард. – Бертран вздохнул: – Иногда мне трудно смириться с мыслью, что их больше нет.

– Я понимаю тебя, но, как ни крути, их смерть позволила тебе вернуть себе замок.

Появилась Генриетта.

– Здравствуйте, госпожа Фрай, – поклонился Бертран. – Как поживаете, здоров ли сынишка?

– Здоров, ваше сиятельство, благодарю, – так же вежливо ответила Генриетта. – Не хотите ли отобедать с нами?

– Не откажусь, госпожа Фрай. Наслышан о ваших кулинарных чудесах.

При слове «чудеса» Каспар закашлялся.

Сняв шляпу и перчатки, Бертран вместе за Каспаром прошел на кухню – от предложения накрыть стол в гостиной он отказался.

– Мне с детства нравилось есть на кухне, – возле горячей плиты, кастрюль и склянок со специями. А вот мои братья не разделяли этого пристрастия.

Утолив голод, Бертран выпил пшеничного пива. Они с Каспаром поговорили о погоде, а потом снова перешли на дела.

– Ты спрашивал, почему его светлость решил отправить меня и взвалить на себя заботы об армии... Так вот, он возлагает на этот поход большие надежды. Когда он посылал тебя за артефактами, им руководило любопытство или желание получить в коллекцию очередную диковину, сейчас же от результатов похода напрямую зависит судьба герцогства Ангулемского. Есть сведения, что весной король предпримет новую атаку, – в Харнлоне все только и говорят о будущей войне...

После сытного раннего обеда Каспар и Бертран отправились навестить Фундинула. Гном, как и советовал ему Каспар, безвылазно сидел в своих апартаментах и, коротая время, мастерил из медных проволочек дешевые брошки.

Увидев Бертрана, он ужасно обрадовался, вскочил, побросав свои щипчики и молоточки, и бросился к боевому товарищу.

– Ну и каково чувствовать себя настоящим графом? – спросил Фундинул, пожимая Бертрану руку.

– Поначалу было немного непривычно.

– Почему же непривычно? Ты ведь рожден повелевать, как я рожден, чтобы работать по серебру.

– Нет, я был рожден скорее для безделья: младшие братья не получают должностей, им не достается имущества и даже жениться им нежелательно – нет смысла плодить бесправных претендентов на графские регалии, которые могут затеять внутрисемейную свару.

Каспар озадаченно покачал головой, он мало знал о традициях дворянских родов.

– Как ты здесь поживаешь, Фундинул?

– Хорошо, ваша милость, правда, скучно, вот, делаю брошки из проволоки, пять штук уже продал.

– Где же ты их продаешь?

– А здешнему лавочнику, что торгует мелочью на площади. По три рилли за штуку.

– Молодец, ты нигде не пропадешь.

– А еще я хозяину гостиницы часы починил, на целый рилли наработал. И кое-что услышал...

Гном покосился на неплотно прикрытую дверь.

– И что же ты услышал?

– Какой-то человек приходил и спрашивал у хозяйского работника, живут ли в гостинице друзья Каспара Фрая, и если да, то сколько их.

– Что за человек?

– Я не видел, он быстро ушел.

– Ну что ж, шпионов короля в Ливене достаточно, хотя, может, это просто старые знакомые – воры что-то замышляют. Что ответил работник?

– Сказал как есть – в гостинице, мол, имеется только приведенный Фраем гном.

Под дверью послышалась какая-то возня. Стоявший ближе Бертран быстро распахнул ее. В коридоре, нагнувшись, стоял какой-то бородач и поправлял сапоги. Увидев благородного господина, бородач раскрыл рот, хотел что-то сказать, но не смог, видимо от неожиданности.

– Ступай отсюда, – велел ему Бертран.

– Благодарю, ваша милость!

– Это местные жильцы – коновалы, – пояснил Фундинул. – На три дня в город приехали, между прочим, и к господину Табрицию званы для работы.

– Понятно, – кивнул Каспар.

– Бертран, ты знаешь, что в этот раз мы едем не воевать, а налаживать торговлю? – спросил Фундинул. Было заметно, что он соскучился по живому общению.

– А если придется схватиться с какими-нибудь разбойниками?

– Ну разве что с разбойниками, но это не считается.

– Ладно, Фундинул, нам пора, нужно еще Углука навестить, – вмешался Каспар.

– Углука? Это ходячее брюхо? Вот уж кого бы я ни за что не стал навещать. Чего вы только в нем нашли?

– Но ведь он такой же наш товарищ, как и ты.

– Да? – Гном почесал макушку. – Ну, раз товарищ, может, и меня с собой возьмете?

Каспар и Бертран переглянулись.

– Почему бы нет, возьмем.

23

Они вышли втроем из гостиницы и сразу погрузились в шум Рыночной площади.

– Эх, до чего же хорошо! – сказал гном, сшибая башмаками кучки перемешанного снега.

– Ты о чем? – спросил Бертран.

– Ну как же? Мы опять вместе. Нас трое да обжора, остается найти эльфа и мессира Маноло, тогда мы снова будем сила, никакой враг перед нами не устоит.

– Ты ведь, кажется, торговать собирался, – напомнил Каспар.

– А-а... это я по привычке.

Замечая странную группу – дворянина с гербом, богато одетого господина с мечом и гнома, прохожие на всякий случай сторонились. Вскоре живописная тройца подошла к дому Углука, из которого на всю улицу распространился запах жаркого.

Фундинул сглотнул голодную слюну:

– Этот, как всегда, жрет. В походе – жрет, сидя дома – тоже жрет. Ваша милость, это ведь ненормально.

– Да брось ты, он ведь по ночам работает, это и есть его военный поход.

– Да какой там поход? – Фундинул махнул рукой. – Палкой воров по голове бить, он мне сам рассказывал. Да вы, наверное, знаете...

– Я – знаю, а вот Бертран – вряд ли.

– А-а, так я расскажу тебе, Бертран, – с готовностью откликнулся гном. – У него во дворе столб, так вот на него он воров за ноги подвешивает, и они висят, как куры на продажу. Я спрашиваю: а чего ты их не убьешь? А он говорит: да без них скучно.

Они подошли к двери, Каспар постучал, на стук никто не ответил.

– Вот ведь как увлекся, небось мослы гложет и оторваться не может, – проворчал гном.

Каспар постучал еще.

В доме послышались тяжелые шаги, и дверь наконец открылась. На пороге возник Углюк.

– О, ваша милость! – радостно воскликнул он и тут же увидел Фундинула: – Недоросток, и ты тут?

Наконец Углюк заметил Бертрана и, едва не сбив Каспара с ног, выскочил на улицу.

– Бертран! Вот так встреча!

Углюк так сдавил Бертрана в объятиях, что тот запросил пощады:

– Ты меня раздавишь, Углюк!

– Давай осторожнее, брюхо ты ходячее, раздавишь дворянина, тебе не поздоровится! – возмутился гном.

Мимо проходил патруль городской стражи. Заметив на плаще Бертрана золотые гербы, стражники мгновенно построились, подтянули животы и промаршировали с бравым видом, держа алебарды словно на параде.

– Видел? – спросил гном, когда это комичное воинство удалилось.

– Ага, – выдохнул орк и, виновато посмотрев на Бертрана, сказал: – Простите, ваше сиятельство.

Бертран прыснул со смеху, его поддержали Каспар и фундинул, а Углюк, поняв, что гном над ним посмеялся, погрозил ему кулаком.

– А чего же мы на улице стоим? Проходите в дом.

– Что-то ты слишком легко одет, – заметил Бертран.

– Это еще что, – снова вмешался гном. – У него и окна нараспашку, и печка не топится! Так и ходит по морозу голый, одно слово – дикарь!

– Почему это дикарь? – обиделся Углюк.

– Потому что ходишь зимой голый и тебе не холодно, а раз не холодно, значит, дикарь!

– Или колдун... – подсказал Каспар, веселясь.

– Во! – с радостью подхватил Фундинул. – Ну-ка, Углук, признавайся, ты колдун?

– С чего ты взял, недоросток? – спросил орк после некоторой паузы, он не поспевал за гномом.

– С того, что из всех своих земляков только ты один и остался после стольких лет наемничества – это раз, а жрешь, как рота гвардейцев, – это два.

– А-а... – отмахнулся Углук. – Надоел ты мне. Пойдемте лучше в дом.

24

В доме действительно было так же холодно, как и на улице, а возле открытых окон под стены насыпало небольшие сугробы.

– И как ты с этим миришься? – поежившись, спросил Бертран.

– А чего? Снег мне не мешает, сплю-то я в углу.

– А, ну да.

Во дворе Бертран увидел тот самый столб, о котором ему говорили, на нем действительно висело двое оборванцев.

– У тебя здесь что, одни и те же висят? – поинтересовался Каспар.

– Нет, разные. Правда, иногда попадаются уже знакомые.

– Ты убиваешь тех, кто попадается повторно? – спросил Бертран.

– Нет, просто ломаю руку или ногу, – пояснил Углук.

– Пустите! Пустите нас, мы больше не будем! – заверещал один из воров, поняв, что говорят о них.

– Зачем ты их сюда таскаешь?

– Порядок навожу.

– Какой порядок! У тебя все снегом засыпано, и во дворе, и дома.

– Нужно кости выносить, те, из угла.

Углук подошел к бочке, на которой лежала половина жареной свиной туши и, оторвав кусок с ребрышками, протянул Бертрану:

– Попробуй, это самое вкусное!

– Спасибо, Углук, я сыт.

Заметив на плаще Бертрана герб, воры приняли его за самого герцога.

– Ваша светлость! – закричали они. – Пощадите, ваша светлость! Мы не виноваты, господин орк нас на улице поймал!

– А вы думали, я вас только у складов поджидаю? – Орк усмехнулся. – Заткнитесь лучше, а то головами стукну одного об другого, как в прошлый раз.

Видимо, в прошлый раз было довольно скверно, потому что воришки замолчали.

– А куда они носят эти кости? – спросил Каспар, поражаясь тому, как быстро у орка копятся объедки.

– Известно куда, к трактирщику...

– К трактирщику? Зачем трактирщику кости?

– А он из них суп варит.

– Суп варит?! – почти в один голос воскликнули Каспар и Бертран.

– Да, а что? – Углук приподнял шлем и поскреб голову. Ему показалось, что он сказал лишнего. – Ты это... Бертран, никому не говори.

– Что значит «не говори»? – вмешался гном. – Ты тут, понимаешь, преступление устраиваешь, на пару с трактирщиком людей травишь, а нам – молчать?

– Никто никого не травит! – возмутился Углук. – Мои кости очень чистые! На снегу лежат – сам посмотри!

– Успокойся, Углук, Фундинул шутит, – сказал Каспар.

– Шутит? – Орк посмотрел на довольного собой гнома. – Вот недоросток, один обман на уме.

25

Наконец пришел день, на который был назначен отъезд в столицу королевства Рембургов – Харнлон.

К этому времени подготовили три подрессоренных телеги, в которые впрягли ломовых лошадок. На возы погрузили сухие дрова для растопки, масло для жарки, несколько бараньих туш, две дюжины шерстяных одеял, большой котел, четыре мешка овса – для лошадей.

Стальные доспехи спрятались под просторными купеческими одеждами.

В качестве товара закупили специй да по совету Фундинула – серебряных пуговиц, он утверждал, что в Харнлоне на них большой спрос. Еще взяли полвоза разноцветных шелков и целый воз дубленых кож – если в Харнлоне готовятся к войне, на кожу должен быть хороший спрос.

Два арбалета и сотню каленых болтов к ним Каспар разместил под тюками с кожей, меч спрятал под длинным одеянием. Раскладной лук с запасом стрел положил в одну седельную сумку, новый Железный дождь в другую. Лошадей взяли собственных – трех мардиганцев и, разумеется, Шустрика, верного мула Фундинула. Гном управлял прицепленными одна за другой телегами, сидя на передней. Шустрик, привязанный к задку последней, покорно рысил, потряхивая головой.

«Вот и хорошо», – сказал себе Каспар, когда город остался позади, а ломовые лошадки бодро загребают копытами снег. На этот раз обошлось без прощаний – Каспар не разрешил Генриетте приезжать к месту отправки.

В прежние времена она всегда подгоняла возок с провиантом, однако теперь в этом не было нужды.

Помимо оружия Каспар прихватил тысячу дукатов, которые должны были пойти на обустройство торговой миссии. Деньги лежали в той же сумке, что и лук, Каспар о них никому не сказал, он доверял своим боевым товарищам, но порядок требовал, чтобы о золоте не знали.

Проверяя обоз, он оглянулся и едва сдержал улыбку: Углук в нахлобученной прямо на шлем войлочной шляпе выглядел забавно. Он наотрез отказался снимать шлем, в котором спал и, по словам Фундинула, ходил мыться в горячие бани. Купцы очень горевали об его отъезде, опасаясь, что воры примутся за них с удвоенной силой, однако Углук заверил их, что самых отчаянных он перебил, а остальные пусть «подрастают» и ждут, пока он вернется.

Когда обоз отъехал от города мили на три, его нагнал курьер герцога с пакетом, который принял Бертран.

– Герцог ждет ответа? – спросил он.

– Нет, ваше сиятельство.

– Тогда можешь возвращаться.

– Слушаюсь, ваше сиятельство.

Курьер повернул коня и помчался прочь.

– Ну что там? – спросил Каспар.

– Его светлость сообщает, что, как только мы устроимся на месте, он начнет посылать нам шоколад.

– Шоколад?

– Вот, – почитай сам. – Бертран тронул мардиганца шпорами и, подъехав к Каспару, протянул ему письмо.

– М-да, – произнес тот, пробежав текст глазами. – Его светлость беспокоится о том, чтобы мы не прогорели.

– И чтобы поскорее приобрели должный вес и уважение.

– Боюсь, даже торгуя шоколадом, мы все равно не сможем пристроиться при дворе, на что, судя по всему, надеется герцог... Ладно, едем дальше!

– Но, трогай! – закричал на лошадь Фундинул и дернул вожжи.

26

Налетевший ветерок разогнал тучи, и появилось солнце. Обоз начал втягиваться в густой лес, дорога вилась между старых, тяжелых от снега елей. Тащившая передний воз лошадка шла бодро, под снегом был накатанный путь, которым пользовались довольно часто.

– Дальше болота будут, – сообщил Фундинул.

– Ты-то откуда знаешь? – угрюмо спросил Углук. Голод уже начал терзать орка, и настроение у него было неважное.

– Я же ездил в Харнлон за станками, правда, на дорогу мы выезжали чуть дальше, возле деревни углежогов... Эх, какие станочки были! – Фундинул дернул вожжи, и вздохнул. – Какая мастерская...

Он сокрушенно покачал головой.

– Не переживай, – сказал Каспар. – Удача будет, заработаешь денег и вернешься в Коттон с новыми станками.

– На это и уповаю.

– Если бы я не написал ему письмо, он бы еще в Коттоне торчал, недоросток! – вмешался орк, которому не терпелось задеть гнома.

– Не ты, так его милость меня бы вызвал, – невозмутимо отреагировал тот.

– Фундинул, достань из-под мешков соленый каравай, – распорядился Каспар.

– Зачем это?

– Затем, что Углука подкормить надо, ему ведь нелегко от жареной свинины отвыкнуть.

– Так точно, ваша милость! – возликовал орк. – Очень нелегко! Кушать так хочется, что прямо седло съел бы!

Гном нехотя исполнил приказание, Каспар передал хлеб Углуку, и тот с жадностью вгрызся в него зубами.

– Ишь, чудовище, – покосился на орка Фундинул.

– Зря ты так, – сказал Каспар. – Он тебе письмо написал, наверное, питает к тебе дружеские чувства.

– Ну вот еще! – возразил Углук. – Чтобы я к какому-то грызуну чувства дружеские испытывал! Это я только для пользы дела написал – ему и Аркуэнону!

Часа два они ехали по лесу, было тихо, только птицы перелетали с ветки на ветку, радуясь выглянувшему солнцу и выискивая под листьями замерзших червячков.

Потревоженный снег осыпался серебристыми водопадами, мороз был несильный и лишь слегка пощипывал за щеки.

За очередным поворотом открылась большая поляна. Когда обоз выехал на нее, Каспар вдруг заметил силуэт и выдернул из сумки лук, но через мгновение лицо его осветилось улыбкой – он узнал Аркуэнона.

– Приветствую тебя, вольный стрелок!

– Здравствуй, Фрай, – как всегда невозмутимо, ответил эльф.

– А я было собирался завернуть к тебе на хутор.

– Углук прислал мне письмо, но я не знаю вашей грамоты, пришлось идти к людям. – Эльф вздохнул.

Каспар посмотрел на него с сочувствием, уж он-то знал, как нелегко было Аркуэнону просить помощи у варваров, к которым он относил всех «не эльфов».

– Но Углук же не знал, когда мы отправимся. Как ты угадал со временем?

– Он написал, что поедете скоро, так и получилось.

– Ладно, запрыгивай, – махнул рукой Каспар.

Не желая сидеть рядом с гномом, Аркуэнон забросил лук с колчаном и небольшой мешок на последнюю телегу, после чинно со всеми раскланялся.

- Здравствуй, Бертран...
- Здравствуй, Аркуэнон.
- Здравствуй, Углук.
- И тебе здорово, эльф!
- Здравствуй, Фундинул.
- Рад тебя видеть, дружище!

И снова воцарилась тишина, эльф впал в состояние абсолютного безразличия и замер, глядя перед собой.

Так прошло четверть часа. Каспар, чувствуя, как в нем поднимается раздражение, спросил:

- Не желаешь узнать, куда мы едем, Аркуэнон?
- Я и так вижу – на север.
- А не хочешь спросить – зачем?
- Я и так знаю – чтобы убивать.
- Ну, так уж и убивать! – не удержался Бертран.
- Обрати внимание, как мы одеты, – стараясь говорить спокойно, продолжал Каспар.
- Не вижу ничего необычного, – даже не посмотрев в сторону Фрая, сказал эльф. Всем

своим видом он показывал, что разговоры ему досаждают.

– Мы одеты как торговцы и едем в королевство Рембургов, чтобы установить там торговую миссию. А убивать никого не собираемся.

– Да, на этот раз обойдемся миром! – добавил гном заискивающим голосом. Высокомерный эльф подавлял его, вызывая желание как-то к нему подольститься.

– Так это для мира ты взял свой черный топор? – не упустил случая Углук. Он уже съел хлеб и думал о мясе.

– Даже отвечать тебе не буду! – отозвался гном. – Потому что говорил тебе много раз – топор для меня как талисман! Он приносит мне удачу!

– Видел я твой талисман в работе! – усмехнулся Углук. – Назови его «миротворец»!

– А что... – Фундинул сдвинул войлочную шляпу и почесал затылок. – Отличное имя для моего оружия – Миротворец! Спасибо за дельную мысль, ходячее брюхо...

Какое-то время все ехали молча, лишь было слышно, как под колесами телег поскрипывал снег. Неожиданно эльф произнес:

- Что ж, меня это устраивает.

27

Через пять часов непрерывной езды Каспар распорядился сделать привал. Ломовым лошадам дали по несколько горстей овса, мардиганцы и мул помимо овса получили по корке хлеба, натертой солью.

Костер разжигать не стали, пообедали вареным картофелем и жареным мясом, которое Каспар купил в городском трактире. Зная, что Углуку обязательно понадобится добавка, он прихватил из дому холщовый мешочек с сотней жареных пирожков.

– О, ваша милость! Вы меня прямо спасаете! Это имдресс Фрай готовила?

– Больше некому.

– Тогда мне вдвойне приятно!

Угрук развязал тесемку и, достав первый пирожок, вопреки ожиданию Каспара стал есть его без спешки, прикрывая от удовольствия глаза.

– Раб своего желудка, – категорично заявил гном и отправился проводить мула.

Отдохнув с полчаса, они двинулись в путь, но зимние дни короткие, и послеобеденный переход оказался недолгим. Когда спустились сумерки, Каспар приказал встать на ночлег.

Ломовых лошадок выпрягли, а телеги поставили треугольником, соорудив что-то вроде крепости. Потом занялись костром – Угрук постругал на растопку сухое полено, остальные дрова принесли из леса. Наполнив котел снегом, поставили кипятить воду, и скоро по лесу поплыл запах пшеничного супа с бараниной.

– Эх и поедим! – радовался Угрук.

Суп получился отменный, Каспар знал, как важна горячая пища в зимнем походе. После того как основная часть отряда наелась досыта, Углуку досталась еще половина котла.

– Хороший поход, ваша милость! – поделился он впечатлениями, когда котел был вылизан дочи́ста.

– Рад, что тебе нравится. Пойдешь караулить в первую смену.

– Караулить, так караулить, – легко согласился орк.

– Аркуэнон, ты встанешь во вторую, а меня поднимешь в третью.

– Хорошо, Фрай.

К ночи стало подмораживать, и Каспар закутался в два одеяла. Он был рад, что снова выбрался в дорогу.

«Неужели я до старости не успокоюсь? – размышлял Каспар. – А чем будут заняты мои мысли, когда большая часть жизни окажется позади? Может, внуками?»

Каспар вспомнил старшину Виршмунда, который рассказывал, что за годы службы видел немало опасностей получал раны алебардой и ножом, однако перед приездом внуков испытывал страх, потому что в доме они все переворачивали вверх дном.

«Наверное, если я доживу до его возраста, все мои опасности будут связаны только с внуками», – подумал Каспар, погружаясь в сон.

28

Ночь была спокойной, беззвучными тенями проносились филины, лошадки жались друг к другу, под утро пошел снег, который сменился ветром, и еще до рассвета небо прояснилось, обнажив бесчисленное количество больших и малых звезд.

В назначенный час Аркуэнон разбудил Каспара. Тот широко зевнул и поднялся – голова была ясной.

– Все спокойно? – спросил он.

– Спокойно, но там, – эльф махнул на север, куда уходила дорога, – нас кто-то ждет.

– Что ты имеешь в виду? Засада?

– Не знаю, но это случится завтра.

– Хорошо, ложись...

Усилием воли Каспар заставил себя встать с нагретого ложа и надеть стылые, жесткие сапоги. Затем слез с телеги, освобождая место эльфу, и, натянув поглубже войлочную шляпу, принялся ходить вокруг телег, чтобы прийти в себя.

Сделав кругов тридцать, Каспар размялся и подтянул ремешки доспехов, в которых спал – снимать защиту на ночь в незнакомом лесу было опасно. Взяв с телеги меч, Каспар проведаль лошадей. Мардиганцы, накрытые теплыми попонами, спали, изредка перебирая ногами, а лохматым ломовым лошадам попоны не полагались, – они жили под открытым небом круглый год.

Каспар глубоко вздохнул, воздух звенел от предутреннего морозца. Раздался шорох, заставивший его повернуться на звук. Ничего, все спокойно.

Стали пробуждаться птицы, на сосне прошмыгнула белка, заметив человека, она на миг замерла и умчалась по стволу вверх.

Прислушиваясь, Каспар обнаружил странную вещь – у дороги звуки затихали, словно наткаясь на мягкую подушку. Забеспокоились лошади.

Каспар подбежал к телеге, выхватил из сумки собранный лук и, вложив стрелу, замер. Ему было тревожно, но он был уверен, что подкрасться к ним незаметно нельзя – о подходе врага сообщат птицы, заскрипит снег.

И вдруг краем глаза Каспар заметил огромную, высотой с дерево, тень, неподвижно стоявшую на дороге. Почуввав его взгляд, тень начала сгущаться и формировать силуэт, показались ноги, руки, голова. Призрак качнулся и сделал шаг, Каспар услышал, как скрипнул примятый снег.

Меж деревьев пробежал холодный ветер, и лес снова ожил, заговорив негромкими голосами птиц и посвистыванием белок. Призрак растаял.

Стараясь не думать о том, что видел – мало ли что под утро померещится, Каспар натаскал дров, наколот лучины, и наступивший рассвет застал его за кипячением снеговой воды.

Еще до общего подъема к костру пришел Углук. В этом не было ничего удивительного, по утрам орк испытывал особенно сильные приступы голода.

– Доброе утро, ваша милость, – произнес Углук, жадно раздувая ноздри и заглядывая в котел.

– Возьми. – Каспар протянул жаждущему кусок хлеба с солью.

– О! Ваша милость, да вы мои мысли читаете!

– Это нетрудно, они написаны на твоём лице.

Зачерпнув кружкой кипятка и бросив в него щепотку молотой душистой травы, Каспар подал напиток орку.

– Возьми, есть всухомятку плохо для желудка. Но пирожки будешь есть только в обед, понял?

– Понял, – со вздохом ответил Углюк, и Каспар догадался, что орк как раз намеревался воспользоваться своим персональным запасом. – А что мы будем есть на завтрак?

– Сейчас заварю пшена и брошу в него фунт жирной баранины.

– Хорошая еда, – удовлетворенно кивнул орк. Он залпом допил горячий отвар, вернул кружку и пошел за деревья справлять нужду.

Зевая и поеживаясь, к костру выполз гном. В широкополой войлочной шляпе и длинной купеческой одежде он выглядел так комично, что Каспар не сдержал улыбку. Он предлагал Фундинулу ехать в собственной одежде, однако тот хотел выглядеть как настоящий негодяй, полагая, что так его никто за гнома не примет.

Вынув из борозды несколько еловых иголок, Фундинул спросил:

– Этот зеленый дракон требовал еды?

– А ты тоже проголодался?

– Я? – Гном вздохнул. – Ну, может, только погрызть корочку... Чтобы в походе не испортилось пищеварение.

Получив кусок соленого хлеба и кружку с горячим травяным настоем, гном принялся с шумом его прихлебывать.

Следующим к костру вышел Бертран. Он растирал и бил себя по бокам, при этом так морщился, будто накануне перепил.

– Доброго утра всей компании, – хрипло произнес он.

– Ты не заболел? – спросил Каспар.

– Нет, я здоров, просто до последнего надеялся, что это сон, а оказалось, нет – зима, снег, лес...

– И кружка горячего отвара, – добавил Каспар, подавая Бертрану его порцию.

– О, как кстати! – обрадовался тот. – А то я не уверен, одна у меня нога или две – чуть не отморозил.

– Смени шелковое белье на шерстяное, у нас его полвоза.

– Да, Бертран, – поддержал Каспара гном. – У тебя еще нет наследника, поэтому побереги известное место.

С этими словами Фундинул по примеру Углюка отправился за деревья.

– Ну, если гном советует, тогда конечно, – усмехнулся Бертран, прихлебывая обжигающий отвар. – Сейчас не время блюсти традиции дворянской крови.

– Желаете краюху хлеба, ваше сиятельство? – спросил Каспар.

– Нет, благодарю вас, – в тон ему ответил Бертран, – пойду переоденусь к завтраку... Как ты думаешь, может, мне вообще выбросить расшитые штаны, камзол, плащ с гербом? А то как бы чего не вышло.

– Ну... – Каспар пожал плечами. – Повремени пока, все равно под этой хламой твоих гербов не видно, а немного отрастет борода, станешь мужик мужиком.

– Вы что-то говорили о бороде? – спросил гном, возвращаясь.

– Ну у тебя и слух.

– Не жалуюсь, ваша милость.

– Да, мы говорили о том, что нужно отращивать бороды, чтобы больше походить на негодяев.

– Значит, я уже похож?

– Конечно, Фундинул, – поддержал его Бертран. – Ты похож на негодяя куда больше, чем любой из нас.

– Вот здорово! – Фундинул даже подпрыгнул на месте. – Пойду Шустрику расскажу, он обрадуется.

– Неужто он понимает человеческую речь?

– Конечно, ответить не может, а выслушать – пожалуйста. Кстати! – Фундинул поднял кверху палец. – А ведь у орков бороды не растут! Значит, прогоним зеленого варвара в Ливен?

– Нет, и Углук, и Аркуэнон, у которого тоже бороды нет, нам очень пригодятся, поэтому мы их не прогоним, они сойдут за охрану.

– Правильно, – согласился Фундинул. – Сойдут за охрану.

Решив таким образом эту проблему, гном побежал к своему мулу.

29

Когда совсем рассвело, появился эльф. При нем были лук и колчан со стрелами.

– Будешь пить травяной отвар?

– Что за трава?

– Не знаю, та, которую мы обычно пьем.

– Тогда не нужно. Дай мне горячей воды и кусочек сахара.

– У нас только кленовый...

– Мне подойдет.

Эльф принял кружку с кипятком и небольшой кусок желтоватого сахара, затем осторожно опустил его в воду.

– Помешай, а то несладко получится.

– Мне не нужно, чтобы он становился сладкий – главное, чтобы в воду перешла сила сахара.

– Это как? – удивился Каспар.

– Вот сейчас он растворится и осядет на дно, а вся сила останется в кипятке, который я выпью.

– А почему не выпить с сахаром, это же намного вкуснее?

– Вкуснее, – согласился Аркуэнон. – Но сладкое отягощает движения и притупляет глаз.

– Ну-ну, – только и сказал Каспар, так ничего и не поняв.

Пока готовился завтрак, лошадок покормили, напоили талой водой, запрягли и заседлали. Ломовые покорно ждали отправления обоза, а мардиганцев Бертрану и Углуку пришлось прогулять, лошади были дорогие и требовали особого ухода.

Поев густой похлебки, большая часть которой, как всегда, досталась Углуку, отряд выступил.

Примерно через час пути ландшафт изменился, лес поредел и дорога стала виться между холмами, сплошь заросшими кривыми деревцами и густыми кустиками липняка. Все разговоры прекратились, путешественники угрюмо поглядывали по сторонам, понимая, что здесь наилучшее место для засады.

Каспар держал лук под рукой и приказал Углуку сесть на заднюю телегу, чтобы зарядить оба арбалета.

– Сделал, ваша милость! – сообщил орк через какое-то время.

– Хорошо, возвращайся в седло.

– А арбалеты?

– Пусть лежат среди тюков. Пройдем холмы – можно будет убрать их, а пока...

Каспар не договорил, он вдруг увидел следы. Снег на склонах холмов был потревожен, – не сегодня, но вчера до снегопада здесь кто-то был, и не один. Цепочки следов тянулись от куста к кусту, от дерева к дереву, словно кто-то примерялся и выискивал место, откуда дорога виднее.

Аркуэнон поднял руку, гном натянул поводья, и обоз встал. Каспар вложил в лук стрелу.

– Фрай, я вижу там какое-то движение, – сообщил эльф.

Каспар пригляделся: ярдах в пятнадцати выше по склону, напуганные приближением людей, промелькнули два горноста.

– Будьте внимательны! – приказал Каспар и, обогнав обоз, спешил. – Бертран, иди за мной!

– Иду!

Бертран спрыгнул с лошади и, выхватив меч, побежал догонять Каспара.

Вдвоем они поднялись к большому кусту, вокруг которого все было испещрено следами горностаев, но попадались и лисьи.

Обойдя куст, Каспар и Бертран поняли причину интереса лесных обитателей – в небольшой ложбинке, в снегу лежал замерзший и сильно поеденный зверями труп.

Одежды на нем почти не осталось, сапоги сняли грабители, оружие тоже. Кожаный жилет-пристежку не тронули, только срезали с него доспехи, судя по всему, не очень надежные, в двух местах в пристежке зияли широкие отверстия колотых ран.

– Голову дубиной разбили, – заметил Бертран.

– Да, работа дорожных разбойников, – согласился Каспар, оглядываясь. Еще в нескольких местах под кустами виднелись следы лис и горностаев, а снег вокруг имел розоватый оттенок.

– Телеги с товаром угнали, а тела спрятали, чтобы на дороге в глаза не бросались и не пугали новые жертвы, – сказал Бертран.

– Так все и было.

Каспар вздохнул:

– Ладно, пойдем обратно.

Спустившись на дорогу, они рассказали о том, что обнаружили.

– А я так надеялся на спокойную торговлю, – грустно сообщил гном.

– А вот я не против хорошей драки! – самонадеянно заявил Углук.

Аркуэнон промолчал.

– Делать нечего, объездного пути нет, поэтому пока будем держаться дороги, – сказал Каспар. – В случае нападения с фронта ты, Фундинул, по моему сигналу завернешь обоз направо – он станет нашей крепостью.

– Понял, ваша милость.

– Углук, будешь прикрывать тыл и помогать там, где жарко, а ты, Бертран, если расстояние позволит, возьмешься за арбалеты. Аркуэнон будет сам по себе – в бою он видит хорошо... – Каспар сделал паузу и, оглядев склоны, скомандовал: – А теперь – вперед.

30

Отряд продолжал движение, и спустя час все холмы остались позади. Снова потянулся лес, пока еще не настолько густой, чтобы выглядеть опасным. Тем не менее напряжение становилось все более ощутимым, перестали летать птицы, белки попрятались в дупла.

«Неужели не проскочили?» – спросил себя Каспар, осматриваясь. Редкий лес был прозрачен, солнце отражалось на снежной поверхности, оставляя ослепительную Дорожку.

Углуб вытащил меч и пробурчал:

– Терпеть не могу ждать, скорее бы они вылезали...

Фундинул развязал тесемки на кожаном чехле и достал свой знаменитый топор. Его лезвие кроважально блеснуло на солнце.

После очередного поворота дорога пошла между двумя небольшими, стиснувшими ее холмами. Со склонов нависали ветки деревьев и кустарник, побить здесь проезжавших можно было даже камнями.

– Стой! – скомандовал Каспар, и обоз остановился ярдах в пятидесяти от опасного места.

– Что будем делать? – спросил Бертран.

– Ждать.

– Здесь опасно ждать, нас достанут из арбалетов.

– Разбойники не носят арбалетов, это для них слишком сложное оружие. Луки – другое дело, но я еще не встречал среди них приличного стрелка. Ярдов на двадцать они еще будут стрелять, но на пятьдесят...

Каспар посмотрел по сторонам.

– Будем ждать, когда покажутся, долго смотреть на нас у них не хватит терпения.

Чтобы не терять время даром, он стал рассовывать стрелы за голенища сапог – так ему было удобнее доставать их в бою.

Фрай оказался прав, через минуту разбойники с криками повыскакивали из укрытий и побежали вниз по склону.

– Фундинул, направо!

– Понял!

Гном резко дернул вожжи, вынуждая ломовую лошадку выбираться на обочину и выгибать обоз дугой.

– Один... два... пять... девять... одиннадцать... – начал считать Каспар, но после трех десятков бросил. Сбегая со склонов, разбойники поднимали снежные тучи и потому казалось, что их очень много.

Пятьдесят ярдов для стрельбы – дистанция подходящая, но цели двигались неровно, да еще в снежной пелене. Едва первый из них оказался на дороге, Аркуэнон поразил его точным выстрелом. Каспар достал второго, а затем на дорогу спустилась снежная лавина, принесенная основными силами разбойников.

Щелкнул арбалет, тяжелый болт, прошибив одного разбойника, засел во втором. Снова выстрелил Аркуэнон, затем снова Каспар и опять эльф.

Бертрану не повезло, очередной болт угодил в крепкий щит, а времени на перезарядку арбалетов уже не было. Орущая толпа стремительно надвигалась – над распахнутыми в хриплом вопле ртами раскачивались острые крючья, пики и алебарды. Кто-то размахивал дубиной, кто-то мечом. Каспар и эльф сбили еще нескольких, но затем разбойники догадались выставить впереди тех, кто имел щиты. Эльф стал бить по ногам, однако враг был уже в нескольких ярдах.

Каспар заметил, что у многих из-за спин торчали колчаны с луками, однако пока разбойничья шайка делала ставку на лобовую атаку.

– Углук, вперед! – скомандовал Каспар, вешая на пояс Железный дождь, сам прыгнул из седла на телегу и скинул мешавшие войлочную шляпу и тяжелый шерстяной плащ. Сдвинув секретное оружие назад, чтобы не мешало, он достал кривой кинжал с клином, которым захватывал лезвия.

Оружие рожки были уже в несколько шагах. Первым попытались взять на пики гнома, он выглядел самым беззащитным, однако Фундинул ловко увернулся и, взмахнув топором, снес голову самому здоровому разбойнику.

Бертран, освободившись от лишней одежды, лихо прыгал по тюкам с товаром, отбивая удары пик и алебард. Он пользовался все тем же фамильным мечом – слишком длинным, по мнению Каспара, однако сейчас эта длина оказалась очень кстати. Дворянский меч уже обогрился кровью, в то время как сам фон Марингер успешно избегал наконечников пик и крючьев с заусенцами.

Фундинула сбросили с телеги, но как только разбойники стали на нее забираться, хитрый гном принялся сечь им ноги. Раненые с воем повалились на своих коллег, которые в азарте рубили все подряд.

«Товару сколько пропадет», – успел подумать Каспар. Он вовремя увидел замах алебарды, отскочил в сторону и сделал выпад, достав алебардиста.

– Руби дворянчика! – орал кто-то, пытаясь добраться до Бертрана, в котором сразу можно было узнать носителя голубой крови.

Слева от Каспара ухал двуручником Углук, на его лице играла сумасшедшая улыбка, он был единственным из отряда, кому эта драка нравилась. Пока что орк справлялся и не позволял врагу зайти Каспару за спину.

На правом фланге дела шли хуже, согнав с передней телеги Фундинула, разбойники стали гоняться за ним и Аркуэноном.

– Углук, прибавь, я прикрою эльфа!

– Слушаюсь, ваша милость! – рявкнул орк, и его двуручник замелькал как молния. Полетели щепки от древков разбойничьих пик, покатались по снегу косматые головы. Пораженные такой мощностью и еще большей, чем у них самих, злостью, разбойники попятились.

Тем временем Каспар вскинул Железный дождь и всадил по стальному дротику в двух преследователей Аркуэнона. Эльф тотчас вложил в лук стрелу и сбил нападавшего на гнома алебардиста, потом снял еще двоих, а Фундинул свалил очередного коронным ударом рукояткой топора в висок.

Разбойники захватили две первые телеги, однако на левом фланге бушевал Углук. Сложилось шаткое равновесие, еще одной, последней атакой разбойники могли покончить с отрядом.

– Давай, братишки! – заорал косматый детина в ржавых латах. – Вперед, пустим им кровь!

Стрела Аркуэнона щелкнула по его шлему, но сломалась. Каспар прицелился из Железного дождя и сделал точный выстрел, вогнав дротик под правый наплечник. Предводитель взвыл от боли, и ему стало не до атаки.

– Всех перережем! – заорал вдруг Углук, Каспар поддержал его криком и атаковал тех, кто уже распоряжался на захваченных телегах. В этот момент лошадь дернула и разбойники повалились, к бурной радости кровожадного Фундинула. Он вскочил на переднюю телегу, неистово рубя топором направо и налево.

Враг не выдержал и начал отступать, сначала медленно пятясь, стараясь держать подобие строя и прикрываясь щитами, однако точные выстрелы Аркуэнона и взявшегося за лук Каспара заставили их броситься в лес.

За теми, кто убежал, обливаясь кровью, ковыляли раненые, их никто не преследовал – силы и стрелы требовалось экономить.

31

Каспар перевел дух и огляделся. Повсюду валялись тела, лежащих на земле разбойников было не меньше тридцати. Свои все оказались живы.

- Раненые есть? – спросил Каспар.
- Нет, – потирая ушибленную ногу, ответил Бертран.
- Тогда уходим. Фундинул, лошади не ранены?
- У передней ободран бок, – сказал Аркуэнон.
- Углук, собери пока мардиганцев...

Орк почистил меч о снег и побежал собирать лошадей, они стояли поодаль и испуганно водили зрачками, но в лес не убежали.

Пока Углук собирал мардиганцев, гном с эльфом сбросили с телег оставшихся на них убитых и раненых разбойников.

– Своего ничего не оставлять! Одежду подберите, мы все еще миролюбивые негодянты! – напомнил Каспар.

Переднюю ломовую взяли под уздцы, чтобы вывести обоз на дорогу. Лошадь храпела и избегала наступать на раненых. Фундинулу приходилось оттаскивать их в сторону.

– Может, их добить, ваша милость? – спросил Углук, в котором заговорила жалость.

– Нет, я протестую! – вмешался Бертран. – Эти люди преступники, они не заслуживают даже такого снисхождения. Пусть умирают на дороге, авось их друзья вернутся и прикончат их, чтобы поживиться медяками.

– Может, мы лучше сами поживимся? – предложил Углук, который не признавал мародерства, зато любил слово «трофей».

– А что это за штука, ваша милость, из которой вы так лихо стреляли? – спросил мимоходом гном.

– Это называется Железный дождь, он заменил мне Трехглавого дракона.

– Он как будто больше стал, – заметил Углук.

– Да, немного подлиннее, – ответил Каспар и начал прямо в седле заводить рукоятку пружины.

– Ух ты! – поразился гном.

– Смотри лучше по сторонам и погоняй лошадку! Надо уйти с этого места как можно дальше!

Гном дернул вожжи, обоз двинулся быстрее.

Каспар зарядил Железный дождь и не выпускал его из рук, пока обоз не миновал опасное место. Но и за холмами Каспар чувствовал беспокойство, незнакомый лес был полон странных звуков – то ли здесь перекликались разбойники, то ли духи тех, кого они подстерегли раньше.

Каспар вспомнил виденную утром тень и скрип снега под ногами призрака. Кто он и что ему было нужно?

– А мы будем вставать на обед? – спросил Фундинул, когда обоз двигался по краю заснеженного болота.

– Нет, объединим обед с ужином, – ответил Каспар и услышал тяжелый вздох Углука.

– А тебе, Углук, так и быть, дадим хлеба.

– Не нужно, ваша милость, раз все без хлеба, и я обойдусь.

Каспар перебрался из седла на телегу, приподняв запачканный кровью полог, нашел мешок с хлебом и отломил кусок для орка.

Во второй раз тот отказываться не стал.

Проскочив полдень, солнце быстро двигалось к западу – зимние дни были коротки. Каспар уже подумывал, разбить ли лагерь у дороги или безопаснее углубиться в лес, как вдруг Бертран сказал:

– Дымом пахнет.

Все стали принюхиваться и, проехав еще немного, закивали головами – и в самом деле, пахло не застарелой гарью с пожарища, а именно костром.

Фундинул поднялся на телеге во весь рост и, держась за вожжи, стал смотреть вперед, стараясь между деревьев разглядеть источник дыма.

– Вон, смотрите!

И действительно, между запорошенных снегом крон вился синеватый дымок.

– Стойте! – скомандовал Каспар. – Углук, поедешь со мной.

– Слушаюсь, ваша милость.

Орк прищиприл мардиганца и последовал за Каспаром. Они съехали с дороги и углубились в лес, Углук держал наготове меч, Каспар – лук.

Отягощенные снегом еловые лапы они объезжали с особой осторожностью, чтобы ничем себя не обнаружить.

Проехав еще немного, разведчики заметили небольшую проплешину, где на поваленном дереве у костра сидел человек.

Он не показался Каспару опасным. Сгорбленная фигура шевельнулась, человек обернулся:

– Мессир Маноло! – первым закричал Углук.

– Мессир Маноло? – удивился Каспар. – Как вы здесь оказались?

– Кромб вернулся.

– Откуда?

– Оттуда, куда я его отправлял.

32

На этом месте и было решено встать на ночлег. Всеобщей радости не было предела, ожил даже Аркуэнон. Мессира Маноло засыпали вопросами, где он был и как здесь очутился, но о причинах своего возвращения он ничего не сказал, ссылаясь на удачное стечение обстоятельств, и больше ни разу не упомянул о Кромбе.

На рассвете обоз двинулся дальше. Отряд Каспара был здоров и бодр. Накануне вечером мессир Маноло вылечил всех легкораненых – и бойцов, и лошадей. Как оказалось, у многих было множество ушибов и ссадин, которые никто не замечал в пылу драки и во время спешной езды.

Бертран ехал на телеге, перед отправлением мессир Маноло поменял ему на ногу сухой компресс и велел посидеть на тюках, а сам взобрался на его мардиганца. Они с Каспаром ехали рядом и вели неторопливую беседу.

– Все же вы решили нам помочь, мессир?

– Как только я узнал, что Кромб вернулся, решил, что должен непременно присоединиться к вам.

– Кромб так опасен?

– Опасен. Уже не так силен, но опасен.

– Что же он может предпринять и зачем ему это?

– Прежде он мог вызывать демонов, как это и сделал в прошлый раз – в халифате. Тогда нам повезло, что Кромб столкнулся с Дюраном...

– Кромб столкнулся с Дюраном, а их подручные демоны столкнулись между собой.

– Вот именно, но Кромб уже не тот, прежде духи холода и разложения давали ему достаточно силы, однако теперь они враги.

– Почему?

– Чтобы выбраться из бездонной ямы, куда я его отправил, ему пришлось обворовать своих покровителей.

– Что же он украл, важный артефакт?

– Почти что. Это были глаза известного вам мага Дюрана, того самого, что подстерегал нас возле холма...

– Как же можно потерять глаза?

– Будучи начинающим магом, Дюран совершил ошибку, произнес заклинание, значение которого было ему известно не до конца. Фактически он получил тогда смертельное увечье, однако сумел удержаться в этом мире благодаря своим магическим способностям.

– Но зачем духам глаза мага?

– Они хотят знать об этом мире как можно больше, чтобы определять лучшие места, где можно пожить.

– Как-то... все это странно...

– Я понимаю вас, Каспар, всю жизнь вы больше надеялись на собственную руку и меч, а тут – нижние миры, глаза мага. Однако это касается нас напрямую, ведь нижние миры существуют за счет нашего, только отсюда они могут черпать силы.

– Как же они их черпают?

– Демоны поселяются в нас и начинают пить нашу жизнь.

– Пить жизнь?

– Да. – Мессир Маноло грустно улынулся. – Как воду.

– И чем больше они ее выпивают, тем меньше мы живем?

– Правильно. Меньше, хуже, несчастливее.

– А вы, мессир, вы можете изгнать собственных демонов или в вас их нет?

– Каких-то могу, других не могу.

– Почему?

– Для этого нужно обладать особыми зрением.

– Но демоны, они же огромные! – воскликнул Каспар. Ему несколько раз приходилось видеть этих тварей, когда они приходили убить его.

– Те, что ты видел здесь, – иные существа. Эти демоны – хищники – экзадоры, дефтироны, калхинуды. Они нападают на любое животное или человека, но не могут стать паразитами и затаиться в ничего не подозревающей жертве.

– В людях?

– В людях, в животных.

Каспар замолчал, внутренне передернувшись. Да уж, осознавать, что в тебе живут какие-то твари, разве это не ужасно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.